

Павел Буланже

Жизнь и учение Будды

Павел Александрович Буланже

Жизнь и учение Будды

«В половине VI в. до н. э., в южной Азии, в Индии, в городе Капилавасту, почти у подножия высочайших в мире гор Гималаев, в семье одного индийского князька Шуддходаны, из рода Шакьев, родился Сиддхартха, который был прозван по имени своих родственников по матери – Готамой.

Сиддхартха, названный впоследствии своими поклонниками Буддой, то есть Совершеннейшим, явился основателем самой распространенной в мире религии – буддийской. Эта религия насчитывает до 500 миллионов последователей, а всего на земле людей считается 1250 миллионов...»

Содержание

#1	0006
Жизнь Сиддхартхи до того времени, как он покинул дом и семью	0007
#1	0007
Поиски смысла жизни	0018
Сущность учения Сиддхартхи	0028
Жизнь Сиддхартхи после открытия смысла жизни	0041
Судьба учения Сиддхартхи	0047
Извлечения из буддийских писаний	0059
Истинная жизнь. Жизнь вне времени	0059
Неведение	0063
Благо	0064
Ложный путь жизни	0067
Страдания	0077
Поведение	0081
Споры	0084
Праведники. Мудрые	0087
Ученые. Мудрствования. Учителя	0091
Любовь. Сострадание	0096
Смерть	0098
Истинная свобода	0101
Нирвана Буддийское сказание	0103
Введение	0103
Судата, юноша-брахман, за плугом	0104

Рассказ о зайце	0110
Что такое нирвана?	0113
За милостыней	0118
Свадьба	0120
Проповедь Ануруддхи о счастье	0123
Спор	0128
Катха-упанишада	0135
Эпидемия	0147
Переписка рукописи	0152
Юный Субгути	0157
Благословенный	0159
Филдинг-Холл. Душа одного народа (главы из книги, в которой английский офицер рассказывает о его жизни в Бирме)	0168
Тот, кто нашел свет	0168
Путь к великому покою	0196
Монашество	0208
Праздники	0232

**Павел Александрович
Буланже
Жизнь и учение Будды**

*Жизнь и учение Сиддхартхи[1] Готамы, прозванного
Буддой, то есть Совершеннейшим*

Жизнь Сиддхартхи до того времени, как он покинул дом и семью

В половине VI в. до н. э., в южной Азии, в Индии, в городе Капилавасту, почти у подножия высочайших в мире гор Гималаев, в семье одного индийского князька Шуддходаны, из рода Шакьев, родился Сиддхартха, который был прозван по имени своих родственников по матери – Готамою.

Сиддхартха, названный впоследствии своими поклонниками Буддой, то есть Совершеннейшим, явился основателем самой распространенной в мире религии – буддийской. Эта религия насчитывает до 500 миллионов последователей, а всего на земле людей считается 1250 миллионов.

Княжество отца Сиддхартхи было маленькое, всего около 25 кв. верст. Земля там была очень плодородна, климат мягкий, всего росло в изобилии, народ был трудолюбив, так что князь Шуддходана считался богатым и окружил своего сына всевозможными забо-

тами, стараясь дать ему лучшее по тогдашнему времени образование. Отец мечтал, что сын его будет хорошим воином, искусным стрелком, будет заботиться о расширении и могуществе своего владения. Ему казалось это очень важным, потому что мелкие владельцы враждовали между собой, и каждый из них стремился к тому, чтобы завладеть княжествами других и образовать другое государство.

При дворе Шуддходаны были различные ученые, которые старались просветить Сиддхартху в науках, а главной наукой считалось в то время познание того, в чем правильная жизнь и как лучше, счастливее прожить жизнь. Писать тогда не умели, и ученые люди на память знали те священные предания, которые сохранились от глубокой древности. Самыми древними преданиями считались веды; в них рассказывалось о том, какие существуют боги, как сотворен мир, как человек должен поступать, чтобы ему было хорошо не только в этом мире, но и после смерти.

И предания и установившийся на основании преданий порядок жизни были таковы,

что люди в тех странах строго разделялись на господ и рабов, на благородных и низких. Было четыре разряда людей: 1) воины, благородные люди, – они защищали от врагов; 2) брахманы, ученые люди, – они учили людей религии и наукам; 3) земледельцы и ремесленники и 4) рабы. Люди одного разряда не должны были смешиваться с людьми другого и не только не могли жениться на женщине другого разряда, но не могли даже есть и пить из одних и тех же сосудов.

И так верили пароды в Индии в это различие, что когда князья отдельных княжеств воевали между собой, то земледельцы не участвовали в войне, а продолжали работать. Воюющие считали недостойным для себя даже обижать низший разряд людей, земледельцев, портить их поля и сады. Войны были тогда состязанием между собой только людей благородных воинов.

До 16-ти лет прожил Сиддхартха, обучаясь военному искусству и разным наукам, а когда ему исполнилось 16 лет, его женили на Яшодхаре, дочери Коли, начальника одного племени. Вскоре у молодых родился сын Рахула,

и они зажили счастливой, беспечной жизнью.

К отцу Сиддхартхи часто приходили разные философы, и молодому Сиддхартхе нередко приходилось слушать рассуждения и споры о религии, о происхождении мира, о добре и зле и т. п. В ту пору, да и впоследствии, индийский народ очень интересовался религиозными вопросами, а правительства не стесняли веры, – каждому позволялось верить и рассуждать, как он хочет. Поэтому существовало тогда много вер и толков, но никто не стеснял другого и к другим верам относился с интересом.

Молодой Сиддхартха, прислушиваясь к разным спорам о религиозных вопросах, все больше и больше заинтересовывался самими серьезными вопросами о жизни. Окружающие Сиддхартху брахманы, ученые, учили его верить в то, что жизнь прекрасна и в будущей жизни будет хорошо всякому, кто только исполняет долг того разряда людей, к которому принадлежит. Сиддхартха – первый воин: он должен уметь драться, побеждать врагов, защищать отечество и поль-

зоваться всеми благами, которые с готовностью будут доставлять ему другие. А не будут давать по доброй воле, то и силой взять можно, – дурного в том нет. Только нужно приносить жертвы, и нередко жертвы кровавые, и боги благословят все то, что будет делать Сиддхартха.

Сначала Сиддхартха, как и все другие, верил по привычке в то, что ему говорили, но потом стали брать его сомнения. Одни говорили, что надо приносить в жертву коров, а другие говорили, что коровы – наши кормилицы, грех приносить их в жертву. И так как Сиддхартха по природе своей был жалостлив, то ему была противна мысль об убийстве коровы, кроткого полезного создания.

Рассуждали о необходимости воевать, и Сиддхартха задумывался при этом, хорошо ли ему воевать с близкими родственниками по матери, его друзьями, князьями соседних областей. Брахманы говорили, что в этом нет ничего дурного, что перед богом нет родственников, каждый должен исполнять свою обязанность. Сиддхартха чувствовал, что ему это было бы больно.

Такие вопросы являлись Сиддхартхе все чаще и чаще. Но светские заботы, та рассеянная жизнь, которую он вел, отвлекали его от того, чтобы глубже и серьезнее заняться решением своих сомнений. К тому же отец его, старевшийся князь Шуддходана, видя задумчивость сына, всячески старался о том, чтобы Сиддхартха больше заботился о правлении и о воинских доблестях, а меньше размышлял. Не дело воинов задумываться, как жить, – это дело брахманов, а воину нужно верить только так, как учат брахманы. Шуддходана старался устранить из жизни сына все неприятное и тяжелое, а когда Сиддхартха начинал скучать, то отец устраивал пиры, на которых много пили и, выпивши, забывали все. А в Индии в то время пили много хмельного; считалось, что и богам приятно пить вино, и потому вино приносили в жертву и богам.

До 26-ти лет продолжал Сиддхартха вести такую жизнь, в которой большая часть времени уходила на светские развлечения, удовольствия, пирушки. Изредка только пробуждался он и замечал, что в жизни есть и много

тяжелого.

А тяжелое и неприятное в жизни он видел все чаще и чаще, и это приводило в отчаяние Сиддхартху. Прогуливаясь как-то по окрестностям, Сиддхартха увидел старика: глаза его слезились, с трудом передвигал он своими потерявшими упругость членами и, тяжело опираясь на палку, сторбившись, медленно плелся по дороге.

Полный сил и здоровья, Сиддхартха, увидав старика, глубоко задумался и опечалился. «И я буду таким же, – подумал он, – вся сила уйдет, исчезнет и ловкость. К чему же теперешние радости? Пройдет несколько десятков лет, их и не заметишь, и настанет такое же вот состояние, как у этого старика. Тогда нельзя будет радоваться, нельзя будет наслаждаться, а надо будет жить в таком же жалком состоянии»[2].

Сиддхартхе все яснее и яснее становилось, что не правы брахманы, говоря, что стоит только быть хорошим воином, исполнять свой долг – и будешь пользоваться всеми благами жизни, будешь всегда радоваться на жизнь. Молодой, здоровый Сиддхартха

не мог себе представить, какая же радость в жизни может быть для него, если он будет дряхлым стариком. И при мысли о своей старости Сиддхартха приходил в отчаяние.

Стал он теперь ближе и внимательнее присматриваться к окружающей его жизни и все больше и больше убеждался, что не все радуются. Убеждался Сиддхартха в том, что если у некоторых и бывают радости и наслаждения, то зато у большинства бывает гораздо больше горя и страданий. Как-то встретил Сиддхартха несчастного, покрытого язвами, человека и невольно представил себе, что и он может быть болен, может страдать. «Не только могут страдать другие, – подумал он, – но могу страдать и я. Болезнь, страдания и неизбежная старость. Не все в жизни хорошо устроено».

Тяжелые мысли все чаще и чаще приходили на ум Сиддхартхе, он стал приходиться в отчаяние; постылыми становились ему все радости, которыми он пользовался. Все тверже и тверже убеждался он в кратковременности радостей и все глубже и глубже уходил в себя, стараясь понять, что же такое жизнь, неуже-

ли нельзя избавиться от тех ужасов, которые пугали его теперь на каждом шагу.

Так проходил год за годом. Сиддхартха продолжал жить, мучительно стараясь решить то, что часто казалось ему неразрешимым. Когда ему было 29 лет, он повстречал похоронную процессию. Ему с необыкновенной ясностью представилась неизбежность для него смерти, и эта мысль окончательно отравила ему жизнь. «К чему же все, чем мы живем, чему так радуемся, если придет, наконец, смерть, неизбежная для всех и каждого смерть. Ни мудрый, ни глупый, ни богатый, ни бедный, ни знатный, ни низкий, – никто не избежит смерти. Она прекратит все.

Болезни, страдания, старость и смерть. Но самое ужасное, это – постоянное страдание, страдание от того, что все дорогое в жизни отлетит, смерть уничтожит все».

Сиддхартха почувствовал, что он не может жить дольше. Жить дольше значит переносить невыносимые страдания при мысли о том, что все кончится. Лучше не жить.

Находясь на границе отчаяния, готовый покончить с собой, Сиддхартха повстречал

как-то бродягу. Вид бродяги поразил Сиддхартху. Несмотря на нищенское одеяние, на изнуренный вид, лицо у бродяги было довольное, спокойное и светилось ласковой, спокойной улыбкой; все в этом бродяге отличало благородство и довольство жизнью. Это поразило Сиддхартху, он разговорился с бродягой и узнал, что человек этот бросил свой дом, друзей, отказался от всех привязанностей и ушел в лес жить пустынником. Бродяга рассказал Сиддхартхе, что в лесах живет много таких же, как он, нищенствующих отшельников. Эти отшельники постигли смысл жизни и тем, что они узнали, охотно делятся с людьми, неудовлетворенными своей жизнью и ищущими смысла ее.

Сиддхартха внимательно слушал бродягу. Вдумываясь в жизнь бродяги, Сиддхартха видел, что тот отказался от своего дома, близких, друзей, ему теперь нечего было бояться потерять все это и связанные с этим радости, — он их уже потерял. И несмотря на то, что потерял, был доволен жизнью. «Можно бороться со страданием и смертью, — решил Сиддхартха, — но как? Если этого не знаю я,

не знают ученые и знатные брахманы, то, может быть, это знают те нищие-отшельники, которые покинули здесь все, ушли от этого мира».

Сиддхартха ободрился. Он почувствовал, что можно еще жить, можно искать смысла жизни. Но надо было учиться новой науке – познания жизни. Теперь его не пленяли уже роскошь, богатство, власть, – ему больно было думать обо всем этом. Он знал, что чем больше он дорожил, чем сильнее привязывался ко всему этому, тем мучительнее было отказаться от того, к чему он привязывался. А отказаться от всего пришлось бы вследствие неизбежных болезней и смерти. Надо было учиться.

В то время в Индии учились не так, как учатся теперь у нас. Да и теперь в Индии люди, желающие постигнуть смысл жизни и услышавшие, что есть такой праведный человек, который нашел этот смысл жизни, поступают так же, как в древности, а именно: покидают свой дом и идут учиться к этому праведному человеку. Ученье состоит в том, что такие люди поселяются около праведного

человека и живут с ним и год, и два, и три; живут так же, как живет этот человек, прислушиваясь постоянно к тому, что он говорит, расспрашивая его о том, что им непонятно, а главное, живя так, как тот учит.

Поиски смысла жизни

Сиддхартха решил отправиться учиться к отшельникам, но у него не хватало решимости объявить об этом отцу и жене; боялся он, что уговоры и слезы их помешают ему привести в исполнение свое намерение. Сиддхартха поведал свое намерение одному только любимому и верному своему слуге Чанне и как-то ночью, когда дома все спали, сел на коня и отправился вместе с Чанной к границе своих владений. Там Сиддхартха снял свое богатое платье, надел простую одежду, остриг волосы, отдал Чанне свою лошадь и одежды, простился с ним и скрылся в лесу.

С этих пор началась новая жизнь Сиддхартхи – жизнь ученья. Сиддхартха отправился к брахману Каламе. Этот отшельник был последователем одного из древнейших

мудрецов Индии – Капилы.

Учение этого мудреца сводилось к тому, что в мире нет души, а все состоит из телесного – материи, которая постоянно меняется. Есть материя – семя, из семени вырастает дерево, дерево погибает, но это только так кажется нам, что оно погибает. То, из чего состояло дерево, не погибает, а обращается в землю, и соки земли снова входят в новое дерево и так далее, без конца.

Материал, из которого состоит все в мире, не погибает, а только постоянно изменяется. Но сначала этот материал, из которого состоит вся вселенная, не изменялся, а находился в неразвившемся состоянии и был в равновесии. Как только нарушилось равновесие, так неразвившийся и изменяющийся материал вселенной начал изменяться, начал получать различные формы. Таким образом явилась отделенность этого материала, началась как бы отдельная жизнь всякой формы: и человека, и зверя, и дерева, и звезды, и всякого живого и неживого вещества во вселенной. После того как материал стал обособленным, или личным, в нем стало проявляться пять

сущностей тонких и им соответствовало пять сущностей грубых. Эти пять сущностей: 1) звук (тонкая) и эфир (грубая); 2) осязание и воздух; 3) цвет и огонь; 4) вкус и вода; 5) обоняние и земля. Человеку только кажется, что он есть то, что он есть. На самом же деле он кусок природы, этого всемирного материала, который постоянно изменяется. И в человеке, как и во всем во вселенной, тоже есть эти пять сущностей, и тонкие сущности называются *манас*, а соответствующие им грубые – чувствами (слух, осязание, зрение, вкус, обоняние). Когда человек, положим, видит красный цвет, это не значит, что красный цвет существует на самом деле. На самом деле в природе нет никаких различий, – есть один неизменный материал, из которого она состоит. Но человеку кажется, что он видит красный цвет, потому что тонкая сущность человека – *манас* – получила впечатление от грубой сущности – чувства зрения – и сделала такое разделение материала вселенной. Если бы тонкая сущность – *манас*, скрывающаяся за грубой – зрением, не произвела разделение материала вселенной, человек не по-

чувствовал бы красного цвета.

Как часть всего материала вселенной человек изменяется: одно время он может быть человеком, другое время – животным, растением, камнем и т. д. Смысл человеческой жизни заключается в том, чтобы остановить эти вечные изменения. А это может быть только тогда, когда он узнает, от чего происходят изменения, то есть когда он узнает, что для этого надо стремиться к первоначальному состоянию материи – равновесию, небытию. А это может быть тогда, когда уничтожится сознательность и отделенность человека от остальной материи, то есть уничтожится сознание человеком своей отдельной личности. Это же может быть тогда, когда перестанут производить отделенность человека от прочей природы его тонкие сущности – манас, тогда станут нечувствительны и грубые сущности – чувства. Человек перестанет чувствовать, перестанет сознавать отделенность свою от природы и этим прекратит изменения материи, постоянные перевоплощения из одного существования в другое. Тогда настанет снова равновесие всего материала все-

ленной.

Для того чтобы достигнуть этого высшего состояния, необходимо долгое изучение и самоуглубление, размышление. Путем глубочайшего самоуглубления и отвлечения от всего того, что дает пищу органам чувств, человек достигает наконец высочайшего состояния – будхи. Достигши этого состояния, человек обладает сверхъестественными силами и может совершать то, что кажется другим чудесным.

Долго жил Сиддхартха около Каламы, учась его мудрости, жил так, как учил Калама – в глубоком размышлении и самоуглублении, но наконец увидел, что учение Каламы не объясняет ему настоящей жизни. К тому же здоровый ум Сиддхартхи не мог принять на веру того, что не проверил его разум. Не нашел Сиддхартха в этом учении и разрешения мучивших его вопросов о страдании, болезни и смерти. Не видя в учении Каламы разрешения этих вопросов, Сиддхартха через несколько лет отправился к другому мудрецу – Удраке Рамапутре.

Удрака Рамапутра держался учения Патан-

джали. Оно было совершенно отлично от того учения, последователем которого был Калама. Удрака верил в то, что есть высшее начало – Брама, создавший все в этом мире и устроивший такой порядок, какой в нем существует. Часть Высшего Существа (Брамы) – дух – находится в каждом человеке, и смысл жизни человека заключается в том, чтобы соединиться с Брамой, слиться с этим Высшим Началом воедино. Делается это путем постепенных перевоплощений человека в новых существованиях. Существо, заключенное в человеке, постепенно переходит из одной формы жизни в другую. То, что сделал человек, никогда не пропадает, а всегда влияет на последующую жизнь человека. Что сделано в прежнем существовании человека, то влияет на жизнь его в новом существовании. Так, например, если человек согрешил, то переходит в низшую форму существования – зверя, растения, камня и т. п. или, бывши в низшей форме и совершив в ней добрые дела, он переходит в высшую форму жизни – человека и т. д. Это – закон, которому подчиняются все, существующее в этом мире, и закон этот на-

зывается карма.

Брама создал все в этом мире в известном порядке, и каждый должен исполнять свои обязанности для того, чтобы облегчить и возвысить свою карму. Брама создал четыре разряда людей: благородных воинов, ученых-брахманов, земледельцев и рабов.

Только тогда, когда каждый будет исполнять предназначенное ему: воин уничтожать врагов, брахман учить людей воле Браммы, земледелец добывать пропитание, а раб служить всем, – только тогда будет настоящий порядок на земле, и только тогда каждый ускорит соединение свое с Браммой, а этим самым прекратит и дальнейшие свои перевоплощения в иных существованиях.

Сиддхартха жил около Удраки и учился его учению, вникал в смысл священных преданий древности, но дух его не был спокоен, он не был спокоен, он не был удовлетворен. Не было и в этом учении разрешения мучивших его вопросов. Он видел, что по этому учению все люди разные, что Бог предназначил одним более легкую долю, чем другим. Но Сиддхартха понимал, что вследствие этой

разницы в положении людей только увеличивалось еще более страдание в мире и что, вместо того чтобы содействовать избавлению он неизбежного зла – смерти, часть людей – воины – были предназначены к тому, чтобы убивать других. Видел Сиддхартха, что по этому учению вместо справедливости увеличивалась на земле несправедливость. Но больше всего не мог помириться Сиддхартха с тем, что учение это утверждает существование Бога, который устроил зло и несправедливость на земле.

Сиддхартха, проживши долгое время около Удраки Рамапутры, ушел от него. Но в то же время до Сиддхартхи дошли слухи, что в лесах Урувилы спасаются пять отшельников, один из которых был Каунданая. Отшельники раньше тоже учились у Удраки Рамапутры, но ушли от него, найдя верный путь жизни и спасения от зла мира. Сиддхартха отправился к ним.

От этих отшельников Сиддхартха узнал, что все страдания, все зло в мире происходит от того, что есть у нас тело. Тело это обладает чувствами, чувства вызывают желания, а ко-

гда у нас рождаются желания, которых нельзя удовлетворить, то рождается и страдание от этого. И потому, чтобы не было страданий и зла в мире, надо освободиться от источника зла, от тела. Надо изнурять его и доводить до ничтожества, – тогда только человек испытывает блаженство и достигнет святости.

Впервые Сиддхартха нашел понятное для него объяснение страданий и средство освобождения от них. Он с радостью присоединился к этим пяти отшельникам и стал изнурять свое тело. Прошло шесть лет, как жил он в этом лесу в глубоком размышлении, изнуряя свое тело. Силы его падали, часто от слабости впадал он в бессознательность, но смысл жизни не открылся еще ему вполне. Вместе со страшной слабостью тела он чувствовал, как слабеет и ум его, чувствовал, как идет он к неизбежной смерти – той смерти, которая все-таки казалась ему бессмысленной, значения которой он не мог разгадать.

Как-то Сиддхартха купался в реке: от слабости ему сделалось дурно. Сиддхартха успел ухватиться за ветку и не утонуть. С величай-

шим трудом выполз он на берег, но здесь ему опять стало дурно, и несколько часов пролежал он недвижимо, умирая от истощения. В это время проходила мимо него дочь пастуха Саджата; она сжалилась над Сиддхартхой, привела его в чувство и накормила рисовым молоком. Придя в себя, подкрепившись пищей, Сиддхартха вдруг понял, что, истощая свое тело, он вместе с тем сознательно тушил в себе тот единственный светоч, который освещал ему все в мире, в жизни, это – разум. Сиддхарта понял, что, пока он жив, ему не нужно отказываться от своего светоча-разума, что верить можно только ему, что только разум может вывести на дорогу. А потому надо отказаться и от умышленного изнурения своего тела, когда разум не служит уже так хорошо.

Сиддхартха стал лучше питаться и размышлять. Он успокоился и радовался, что одумался вовремя, веря, что разум выведет его на верный путь. Но как только Сиддхартха изменил свою жизнь, его товарищи-отшельники, относившиеся к нему с величайшим почтением, увидав, что он изме-

нил свою жизнь, отказался от изнурения тела, отнеслись к нему с презрением и негодованием и покинули его. Сиддхартха остался один, но теперь он не приходил в отчаяние, – разум говорил ему, что путь избавления от страданий и смерти близок.

Сущность учения Сиддхартхи

В глубоком размышлении проводил Сиддхартха день за днем под огромным фиговым деревом, изредка выходя в ближайšie селения выпросить себе пищи.

Сидя однажды ночью под фиговым деревом, Сиддхартха окончательно уяснил себе смысл жизни, разрешил мучившие его вопросы. Он ясно увидал и ошибки тех учений, которые он изучал раньше. Они допускали то, чего не мог проверить и понять разум, а допустив это, они приводили и к неверным выводам. Теперь он понял, откуда шел источник всех страданий, и понял тот путь, идя к которому можно было освободиться от страданий. Причина страданий, как увидал теперь Сиддхартха, коренится в себялюбивой привязанности к жизни. Освобождение от страданий

закключается в том, чтобы жить истинной жизнью.

Страдания происходят от неведения, в чем заключается истинная жизнь. Это неведение – великая слепота, и тот, кто в корне уничтожит в себе это неведение, прибегнет к познанию, тот не войдет уже во временную жизнь.

И так как люди не ведают, в чем заключается истинная жизнь, то в ослеплении своем прилепляются ко всему тому, что временно, к тому, что не может принадлежать им и что вечно меняется и уничтожается. Люди предаются страстям, желаниям, стремлениям; стремятся к обладанию, волнуются, радуются, огорчаются, не сознавая того, что причина радостей и страданий заключается в телесном, разрушимом, преходящем, не принадлежащем той истинной разумной жизни, которой одной только и может удовлетвориться разумное существо – человек. Если люди видят источник и смысл жизни в разрушимом, телесном, то они неизбежно должны страдать и умирать. Люди ищут наслаждений, но из наслаждений возникает и печаль

и страх потерять предмет наслаждения; тот, кто свободен от наслаждений, свободен и от страданий. Люди, думающие, что им принадлежат дома, поля, скот, богатства, думающие, что им принадлежат сыновья, дочери, жены – такие люди неизбежно обречены на страдания. Все это временное, все подвержено уничтожению, и потому нельзя полагать своих мыслей во всем этом, нельзя стремиться к обладанию чем-нибудь. Единственным предметом обладания у человека может быть мудрость познания, к ней одной он должен стремиться. И тот, кто стремится к обладанию чем-нибудь иным, а не мудростью, кто стремится к наслаждениям, тот растит только свои похоти, тот кует себе только более и более прочные цепи, привязывающие его к этой жизни страданий.

Сиддхартха понял, что то, что он раньше понимал под жизнью, не есть истинная жизнь. То, что люди понимают обыкновенно под своею жизнью, это – мыльный пузырь. Такая жизнь преходяща.

Жизнь – это то, что исходит из наших мыслей, рождается в нашем сердце. Люди создают

себе неверную жизнь, которая уничтожается смертью. Но можно создать жизнь, над которой не властна смерть – истинную жизнь. И единственный путь к бессмертию, это – познание, в чем истинная жизнь.

Когда Сиддхартхе стали ясны причины его прежних волнений, страданий и страхов, стал ему ясен и дальнейший путь жизни.

Выяснив себе причину страданий, Сиддхартха нашел то, что в жизни людей способствует нарождению страстей и желаний и избегая чего человек может достичь полной свободы и совершенства. Но как же достичь этой свободы, как освободиться от страданий?

Если человек станет любовным, доброжелательным и услужливым к другим, то этим он будет способствовать тому, что другие перестанут быть источником беспокойства для него. И так как другие стремятся к счастью, то каждый человек должен стараться избавить других от страданий и печали. Другой человек не есть что-то отдельное от меня. Другой человек – это другой я. Все, что причиняет страдание другому человеку, причиняет

страдание и мне, потому что другой – это я. Следовательно, если я хочу освободиться от тяжелого, я должен содействовать другому освободиться от тяжелого и уж никак не причинять ему страданий. Хотя тело состоит из разных членов, но стоит повредить один какой-нибудь член, и страдает все тело, страдают другие члены. Также и мир состоит из многих созданий, и страдание одного отзывается на другом, И если человек хочет избавиться от страданий, он должен подчинить себя законам добра.

Для Сиддхартхи стал ясен путь истинной жизни – жизни, свободной от страданий и смерти. Он изложил этот путь в пяти заповедях, следуя которым люди могут идти к совершенству и войти в вечную жизнь.

Вот эти заповеди:

Заповедь первая. Не убивай. Не убивать не только людей, но и вообще живых существ. «Все живое трепещет мучения, все живое боится смерти; познай себя во всяком живом существе – и не убивай и не причиняй

смерти».

Но Сиддхартха понимал, что прийти к такому состоянию, когда человек отвращается от убийства и причинения вреда, можно только тогда, когда человек научится любить всех людей, все живое. Но любить надо истинною любовью. Любовь эта называется на индусском наречии *майтри*. Эту любовь нельзя смешивать с той любовью, которою влюбленный любит свою возлюбленную (она по-индусски называется *кама*), или с той любовью, которою родители любят своих детей, братья – сестер, друзья – друзей (она называется по-индусски *према*). Эти последние два рода любви не суть истинная любовь, а только помеха ей. Надо любить людей любовью, свободной от себялюбия, от желания взаимности. «И как мать любит свое дитя и готова пожертвовать своей жизнью для него, так пусть каждый любит всех такой любовью, готовый отдать жизнь свою за других. Пусть человек растит в себе это чувство любви ко всему миру, пусть не допускает различия между людьми.

Пусть человек всегда бодрствует в этом со-

стоянии любви, ходит ли он, сидит, стоит ли он или лежит. Это состояние и есть самое высшее состояние, доступное для человека».

При такой любви не может быть различия между людьми, не может быть высших и низших, господствующих и рабов. «Не рождением, а жизнью становятся благородными или низкими. Тот благороден, кто свободен от греха. Тот благороден, кто вполне зависит от себя».

При такой любви понятны и отношения к людям. «Побеждай гнев любовью, одолевая зло добром». «Человеку, который по глупости или невежеству поступает со мною дурно, я должен воздавать искренней любовью и доброжелательностью. И чем больше исходит от такого человека зла, тем больше добра и любви должно исходить от меня к нему». «Хорошо платить добром за добро, но платить добром за зло – в этом истинная, высшая жизнь, это – благородный путь. Враг твой, если только ты любишь его, это и есть тот человек, который может помочь тебе достигнуть совершенства».

Надо относиться к людям с любовью

и в мыслях своих. Наполняйте мир дружелюбием, пусть все создания – и слабые и сильные – не видят в нас ничего, что причиняло бы им вред, и они узнают путь к миру.

Заповедь вторая. Не воруй. Не только не надо воровать или ограблять других, но нужно всеми силами содействовать каждому воспользоваться в полной мере плодами своих трудов.

«Человек, познавший истинный путь, воздержится от того, чтобы красть где бы то ни было и что бы то ни было, не будет содействовать и другим в этом, не будет соглашаться помогать тем, кто занимается каким бы ни было видом воровства или грабежа».

«Тот получает наибольшую выгоду, кто дает другим, и тот теряет больше, кто берет от других, не давая ничего взамен полученного».

При воздержании от воровства или грабежа во всех видах главной целью должно быть презрение к богатству и убеждение в том, что приобретение собственности является только помехой для того, чтобы жить истин-

ной жизнью. «Страсть к собиранию собственности, богатства – вот что порабощает человека, – говорил Сиддхартха Ананде – когда получаете, имейте в сердце своем, что это не ваше, а всех».

И потому те, кто следуют по пути истинной жизни, не могут быть богаты, так как скопление богатства в одних руках является неизбежным следствием того, что оно отнято было, или теперь или раньше, от кого-нибудь другого, и другой был лишаем плода своих трудов.

Люди понимают часто, что надо отказаться от накопления богатства исключительно для себя, и трудятся не для себя только, а для блага своей семьи. Но это только первая ступень к истинной жизни. Человеку нужно увидеть себя не только в близких людях семьи своей, но во всех людях. Надо отказываться от плодов своих трудов не только для семьи своей, но и для всех людей. Только тогда человек пойдет по истинному пути жизни.

И если человек пользуется успехом в своих коммерческих делах, если удалось ему ско-

пить много денег, земли, скота, – пусть человек размышляет о том, как он этого достиг. И по размышлении он увидит, каким часто хитрым путем он отнял или уворовал от других то, чем он обладает. Не может содействовать благу то, что отнято от других.

«Не завидуйте благополучию других, а только радуйтесь этому». «Щедрость, любовь, благоволение ко всем – это то для человека, что чека для оси колеса. Тот только может быть истинно почитаем людьми, кто любовен, щедр и готов со всеми поделиться своим».

Заповедь третья. Не прелюбодействуй. Половая жизнь тем не хороша, что служит источником сильных привязанностей, а потому есть для нас источник страданий и расстройств истинной жизни. Хотя цель женитьбы, казалось бы, только сохранение и продолжение рода, но на самом деле люди создают себе из этого род наслаждения и тем самым губят свою истинную жизнь.

Мудрый должен избегать половой нечистоты, как избегает человек лечь на грудь

раскаленных углей. Если человек не может соблюдать полную девственность, то пусть довольствуется одной своей женой и не совершает прелюбодеяния.

Берегись глядеть на женщин. Если ты видишь женщину, то гляди на нее так, как будто ты не видишь в ней женщины. Если ты должен говорить с женщиной, то говори с чистым сердцем и чистыми помыслами. Если женщина стара, – гляди на нее, как на мать; если она молода, то – как на сестру, а если совсем молода, то – как на дочь.

Заповедь четвертая. Не говори неправды. Говорить надо только правду, с полной искренностью, не с целью повредить или обидеть кого-нибудь, а мудро, любовно.

Любовь к другим людям неизбежно должна привести нас к тому, что не только нельзя говорить неправду, но нельзя сообщать о других людях дурных сведений. Надо выискивать в других только лучшее, и это поможет нам отдаваться искреннее любви к ним. «Нужно видеть в себе дурное, а в других хорошее, нужно не замечать в других дурного,

а подражать только хорошему в них». «Если приходишь в собрание, то не говори никому лжи, не поступай так, чтобы из-за тебя говорили ложь, не соглашайся с тем, что есть ложь, избегай всячески неправды». «Избегайте участвовать в болтовне, в пустых разговорах, – старайтесь говорить с достоинством или молчать».

Нет такого преступления, в котором не участвовала бы, как главная часть его, ложь. «Ложь – это желание приобрести какую-нибудь выгоду или причинить обиду, разорение, когда у нас не хватает смелости сделать это открыто. Или это есть желание избежать посредством лжи заслуженного нами наказания, потерь». Завистливость, льстивость, сплетни, все это разные формы лжи.

Заповедь пятая. Не пей хмельного. Самое драгоценное в человеке – это разум. Его всячески надо беречь, сохранять в чистоте. Всякие хмельные напитки затемняют разум, делают разумного человека безумным. А когда разум затемнен, человек лишается возможности отличить истину от ложного, сбивается с истин-

ного пути и готов совершить всякую ошибку, всякое преступление.

Сиддхартха долгим размышлением, долгими пережитыми страданиями и отчаянием пришел, наконец, к полному успокоению. Он проникся тем чувством любви – *майтри*, без которого, он знал теперь, нет жизни в этом мире. И эта любовь и вытекающее из нее чувство сострадания ко всему живому в мире заставили его покинуть тот отшельнический образ жизни, который он вел до сих пор. Теперь надо было идти к людям и поведать им ту радость, которая доступна всем. Надо помочь людям очнуться от долгого сна, освободиться от ослепления и познать, в чем истинная жизнь.

Жизнь Сиддхартхи после открытия смысла жизни

Вся последующая жизнь Сиддхартхи прошла в скитаниях с одного места на другое и в разъяснении людям, в чем истинная жизнь.

Первыми последователями Сиддхартхи были те пять отшельников, с которыми он долго прожил, пробуя умерщвлять свое тело и которые отшатнулись от него с презрением, когда он отказался от своих подвигов. Сиддхартха нашел их в лесу, и они, увидевши его, сначала решили не здороваться и не знаться с ним. Это несколько не смутило Сиддхартху, и, подойдя к ним, он стал беседовать с ними об ошибке заниматься самоистязанием. «Убивая свое тело, – говорил он им, – мы лишаем возможности разум, наш единственный светоч в этой жизни, освещать нам путь. О теле мы должны заботиться, а не убивать его, но заботиться мы должны постольку, чтобы ярче горела жизнь разума, чтобы заботы о теле не мешали разумной жизни».

Сиддхартха с мягкостью и тем проникно-

венным светом, который после духовного пробуждения освещал все слова и поступки его, рассказал своим бывшим товарищам все то, к чему он пришел. Рассказал, как радостна и понятна ему стала после этого жизнь. И бывшие его товарищи поняли его и вполне согласились с ним. С ними теперь и отправился Сиддхартха к людям.

Кротость, любовь, сострадание и разум Сиддхартхи стали привлекать к нему людей. Все стали дивиться его мудрости, отовсюду стекались к нему учиться, как к мудрецу, праведному человеку. Сиддхартха никогда не уставал, не отказывался отвечать на вопросы обращавшихся к нему.

Сидхартха не осуждал учений других мудрецов и исповедовавшихся в то время религий и, если в чем-нибудь не соглашался с ними, всегда старался отыскать в них самое существенное и истинное, обращал на это внимание людей, спрашивавших его мнения об этих религиях и учениях и веривших в них.

Когда к Сиддхартхе обращались с вопросами об определении Бога, о душе и т. п., он все-

гда молчал, а потом, когда его ближайшие друзья, ученики спрашивали его, почему он не отвечает на эти вопросы, он говорил: «Рассуждать можно только о том, что может охватить наш разум; только разумом можем мы познавать нашу жизнь, а этих вопросов не может обсуждать разум, и потому о них надо молчать». И рассказал при этом притчу: «К человеку, раненному отравленной стрелой, позвали врача. Станет ли раненый, прежде чем позволить лечить себя, расспрашивать, из какого сословия врач, кто он такой и т. п. Станет ли он, прежде чем начать лечиться, узнавать, кто был ранивший его человек, каково то орудие, из которого он стрелял, как натянута была тетива и т. п. Поэтому пусть останется не открытым то, что не открыто нашим разумом, и открытым то, что доступно постижению разума. Надо жить и делать дело жизни».

Хотя в Индии в то время каждому предоставлялось верить, как он хочет, и на Сиддхартху не воздвигали гонений, но все же сильно возмущались его учением из-за одного обстоятельства. Сиддхартха не видел раз-

личный между людьми, ко всем относился одинаково любовно. В Индии же тогда, как это говорилось уже раньше, люди разделялись на четыре разряда. Обычай и все религиозные учения, бывшие до Сиддхартхи, строго воспрещали людям одного разряда сближаться с людьми другого разряда.

Сиддхартха этого не признавал. Он обращался одинаково со всеми и приучал к этому своих последователей. Трудно это лапалось. Даже сам народ из низших классов, с которыми нельзя было общаться Сиддхартхе и его ученикам, с ужасом видел, как с ним говорят, пьют и едят вместе. Так все отвыкли не делать различий между собою.

Эта сторона учения Сиддхартхи не нравилась и брахманам, а главное – властвующим. Много неприятностей было у Сиддхартхи из-за этого. Часто приходилось говорить ему и доказывать, что не по рождению своему бывает человек благородным или низким, а по жизни, которую ведет.

Многие, особенно брахманы, относились к Сиддхартхе с презрением, насмешками. Как-то Сиддхартха шел полем, где работал

брахман Касибхарадваджа. Этот брахман, увидя бродягу, узнал в нем Сиддхартху, обратился к нему и сказал: «Вот ты шатаешься без дела, а лучше бы вместо того, чтобы чесать язык, занялся работой, вспахал, посеял, а потом и питался бы трудами рук своих».

У Сиддхартхи был готов ответ. Он говорил уже ученикам своим, какая работа в жизни самая важная. Самая важная работа должна быть не над тем, чтобы производить что-нибудь, собирать, накоплять, а самая важная работа – над собой: укрепить в себе разум, проветрить его, потушить свои страсти. В этом истинное благо, хлеб жизни.

Учение Сиддхартхи очень было по душе простому народу. Брахманы, которым до Сиддхартхи верил народ в делах веры, были недовольны новым учением, соблазнявшим народ, и часто приходили к Сиддхартхе со своими учениками, чтобы поспорить с ним и доказать неправильность его учения. Сиддхартха, разговаривая с брахманами, обыкновенно отыскивал какую-нибудь высокую истину в исповедуемом этими брахманами учении и говорил, что перед истиной этой каж-

дый должен преклоняться, уважать ее и следовать ей в жизни. При этом Сиддхартха вспоминал жизнь некоторых праведных брахманов, отказывавшихся от собственности, разных желаний и страстей и проводивших свою всю жизнь в любви к людям. Сиддхартха, разъяснив это, говорил, что и он, в сущности, старается следовать тому, чему следовали мудрые, праведные брахманы, и всем советует то же.

Обыкновенно гордые, самоуверенные брахманы уходили от Сиддхартхи сконфуженные, со стыдом, но часто, соглашаясь с его доводами и учением, становились его учениками и меняли свою жизнь.

Многие богатые люди, видя, как Сиддхартха живет в лесу, наперерыв предлагали Сиддхартхе свои сады для того, чтобы он жил в них с своими учениками, но Сиддхартха, побыв некоторое время в подаренном ему саде, чтобы не обидеть добрых чувств дававшего, двигался дальше и дальше. Эти постоянные скитания закалили его тело, он стал очень вынослив ко всякой погоде и лишениям и умер в глубокой старости, 80-ти лет, в одном

лесу, на руках своих учеников. Умирая, он сказал своему ученику Ананде: «Может быть, вы подумаете: учение потеряло своего учителя, нет у нас больше учителя. Вы не должны так думать. Истина, о которой я вам говорил, и ваш разум – вот ваши учителя тогда, когда я уйду».

Судьба учения Сиддхартхи

Как ни просто было учение и понимание жизни Сиддхартхи, но и близкие его ученики часто не понимали своего учителя; Многие из учеников думали, что Сиддхартха был особенный, не такой, как другие, а святой человек; приписывали его рассуждениям сверхъестественность, думая, что рассуждения эти внушены были ему непосредственным общением его с Богом. Ученики думали, что учитель их может совершить какое угодно чудо. Сиддхартха все это слышал и знал и был очень опечален таким непониманием учеников его и его учения. Он говорил своим ученикам: «Тот, кто смотрит на меня как на какое-то особенное существо, на святого, кто ценит меня из-за материальной моей

оболочки, тот вступает на ложный путь, не достигнуть тому истинной жизни». И желая подтвердить еще более, что не он может спасти человека и направить его на истинный путь, а каждый человек сам несет в себе высокое начало истинной жизни, он говорил ученикам: «Будьте Ананда, светочами самим себе. Будьте убежищем для самих себя. Не ищите убежища ни в ком, а только в себе». Но видно, что ученики его все-таки продолжали думать, что Сиддхартха – сверхъестественное существо, и Сиддхартха снова повторяет им, что в нем нет ничего сверхъестественного, и говорит: «Все те, кто или теперь, или после моей смерти будут светочами самим себе, будут находить убежище только в самих себе, – только те могут достичь высшего состояния совершенства».

Неоднократно останавливал Сиддхартха своих учеников в их увлечении чудесным. Думая, что учитель их может все сделать, ученики просили иногда Сиддхартху произвести чудо. Сиддхартха дивился такому невежеству своих учеников и с грустью говорил им, что чудеса ни в чем не могут убедить челове-

ка, у которого есть могущественное орудие для познания жизни – разум.

Таким образом, даже и при жизни Сиддхартхи не все ученики его понимали учение так, как излагал его сам Сиддхартха. А вскоре после смерти Сиддхартхи ученики и вообще последователи его разошлись во мнениях. Сиддхартхе стали приписывать многое такое, чего он не говорил да и не мог говорить по основному смыслу своего понимания жизни. Это очень волновало людей, понимавших правильно учение Сиддхартхи, и они стали хлопотать о созыве собора людей праведных, которые запомнили в чистоте учение Сиддхартхи. Думали, что если собор таких людей придет к одному решению, то учение не будет больше извращаться. Такой собор состоялся действительно, спустя сто лет после смерти Сиддхартхи. На соборе этом были установлены главные основы учения, а впоследствии люди, преданные этому учению, стали записывать и постановления собора и все то, что сохранилось в рассказах других о жизни и учении Сиддхартхи.

Но люди, понимавшие по-своему учение

Сиддхартхи, не соглашались с постановлениями собора и проповедовали учение это так, как они понимали. Они старались доказать свое благочестие тем, что основывали общины монахов и монахинь, писали уставы для монастырей, говоря, что так именно все это было установлено Сиддхартхой, склоняли мирян уступать в собственность монастырям земли, дома и сады, нарушая этим учение Сиддхартхи о том, что не следует иметь собственности. Говорили о том, что можно есть и мясную пищу, то есть убивать животных. Устанавливали сложные обряды, а затем и поклонение Сиддхартхе как божеству.

Так произошел раскол. Одни последователи учения Сиддхартхи проповедовали это учение главным образом в Северной Индии, другие – в Южной. И хотя в первое время понимавшие разно учение это много спорили между собой, но никогда не прибегали к силе, никогда не преследовали друг друга.

Прошло больше 200 лет после смерти Сиддхартхи, и в Индии воцарился могущественный царь Ашока. Он жил за 250 лет до н. э. Царство Ашоки включало в себя много мел-

ких областей, княжеств, на которые раньше делилась Индия. Ашока узнал учение Сиддхартхи, оно ему очень понравилось, и царь этот объявил себя последователем этого учения. Он отказался убивать животных и есть мясную пищу и возвестил об этом особым указом своих подданных. Но и кроме того царь Ашока издал об этом много царских указов и поставил надписи на каменных столбах по своему царству, и в этих указах и надписях царь восхвалял учение Сиддхартхи и советовал народу следовать ему. При дворце царя было собрано много проповедников, которые затем были разосланы как по государству Ашоки, так и по чужим странам проповедовать учение Сиддхартхи.

Казалось бы, этот благочестивый царь содействовал распространению учения Сиддхартхи, а вышло не так. Правда, учение и имя Сиддхартхи были распространены, но зато учение его было еще сильнее искажено, чем раньше. У этого учения явилось очень много последователей, но учение от этого значительно пострадало. Сам Ашока остался царем, думая, что и оставаясь царем он может

следовать учению Сиддхартхи. Ашока забыл, что Сиддхартха сам был княжеским сыном и отказался быть правителем своих владений, потому что это противоречило бы достижению той истинной жизни, которой он искал. Царь Ашока принимал многое понравившееся ему в учении Сиддхартхи, а то, что ему не нравилось, толковал по-своему. Царь вел войны, оберегая свой народ, судил и наказывал преступников, собирал богатства, хотя в то же время строил везде в своем царстве больницы не только для людей, но и для животных.

Проповедники, которых рассылал царь проповедовать учение, понимали это учение различно. Из угоды царю они старались, чтобы в это учение поверило как можно больше народу, и потому старались склонить к этому учению всевозможными способами. Там, где люди были особенно невежественны, проповедники рассказывали о божественности Сиддхартхи, о чудесах, которые он совершал при своей жизни, о блаженстве, которое ждет уверовавших за гробом и т. п.

Скоро весь народ в обширном царстве

Ашоки стал исповедовать новое учение, но учение это было сильно искажено. Появились богатые монастыри, в которых жили монахи, ходившие собирать милостыню только для вида, а на самом деле не жившие той нищенской жизнью, которую вел Сиддхартха. Строили богатые храмы, в храмах и монастырях ставили изображения и статуи Сиддхартхи, поклонялись им, установили множество обрядов, а Сиддхартху стали величать совершеннейшим, святым и божественным.

Затемнению и искажению смысла учения Сиддхартхи значительно способствовали и брахманы. До Сиддхартхи народ очень почитал и во всем слушал брахманов, но чем более распространялось учение Сиддхартхи, тем народ все яснее и яснее понимал обман того, что говорили брахманы, будто не все люди равны, и переставал почитать и слушать брахманов. Учение Сиддхартхи было понятнее и сроднее.

Тогда брахманы стали говорить народу, что Сиддхартха не отрицал их учения, и в подтверждение этого приводили слова Сиддхартхи. Сиддхартха действительно гово-

рил, что он почитает праведных мудрецов, хотя и не говорил никогда, что правильно все то, чему учили брахманы. Затем брахманы стали учить также и тому, что Сиддхартха явился воплощением бога Браммы и они чтут его божественность. Этим они удерживали многих своих последователей, склонных следовать учению Сиддхартхи.

Народ постепенно стал привыкать к искаженному учению Сиддхартхи. Но как ни было оно искажено, а сущность его оставалась ясной, и люди под влиянием этого учения постепенно менялись к лучшему, становились любовными, кроткими, сострадательными к своим ближним и ко всему живому на земле. Это учение кротости и любви скоро распространилось по всей Индии, а во II в. н. э. перешло в Китай и вскоре стало там одной из распространенных религий. Затем еще через несколько сот лет оно распространилось по Тибету, а потом прошло и дальше – в Сибирь и дошло до поволжских степей России.

После V в. н. э. в Индию нахлынули новые завоеватели – арабы, горячо верившие в уче-

ние своего пророка Магомета. Арабы старались обратить всех в свою веру и для этого пользовались и огнем и мечом. Кроткие буддисты подчинились новому владычеству, храмы их были разрушены, но веру их не могли уничтожить и магометане, несмотря на все насилия. Кротко переносило в течение многих сот лет население Индии власть этих завоевателей. И хотя эти завоеватели принесли населению много бед и горя, но все же они не истощали его непосильными поборами, а потом религиозные преследования утихли, и снова зажили в Индии мирно.

Около полутора ста лет тому назад проникли в Индию новые завоеватели. Это были сначала купцы – англичане и голландцы. Купцы эти старались войти в доверие к населению и завязали сначала торговые отношения – стали продавать им свои товары, стали взамен товаров брать то, что производили индусы: драгоценные камни, рис, кофе, шелк и т. п. Видя кротость и любовьность населения, купцы стали потом не стесняться обманывать население, брали насильно те богатства, с которыми не хотело расстаться население,

стали, наконец, отнимать богатые земли, даже целые области. А потом привезли войска и пушки для защиты отнятых ими владений, которые они считали уже своими. Население и тут не противилось. Затем купцы-англичане продали свои владения английскому правительству, которое не удовольствовалось тем, что отняли у народа купцы, и вскоре объявило всю огромную страну Индию своим владением и назначило туда для управления своих губернаторов с войсками и пушками.

Кроткое население большею частью молча терпело новое владычество. Если и вспыхивали где-нибудь бунты и восстания, то население смотрело на этих бунтовщиков и восставших как на разбойников, отступивших от учения любви.

Новые завоеватели-англичане обложили население огромными налогами и посредством этих налогов отбирали все плоды трудов населения. Жители Индии стали бедствовать. Почти ежегодно в этой богатой, плодородной стране свирепствует голод, почти ежегодно умирают там от голода сотни тысяч народа.

Англичане посылали в Индию большею частью грубых, жестоких чиновников. которые, уехав со своей родины, старались как можно скорее разбогатеть и потому не стеснялись обижать кроткий народ. Люди эти не интересовались жизнью и верой народа, среди которого жили, считая их язычниками, невежественными людьми, относились к ним презрительно, обращали их в рабство и жестоко грабили. Но все-таки попадались и хорошие люди между приехавшими в Индию англичанами. Эти люди стали присматриваться к жизни народа, изучать его веру, познакомились со священными книгами. За последние 50 лет лучшие ученые – англичане, французы, немцы перевели большинство священных книг индийского народа на свои языки. Европейцы стали удивляться тому высокому учению, которое изложено в этих книгах. Нашлись многие между англичанами, которые стали стыдить свое правительство за то, что оно так безжалостно обижает кроткий, умный, живущий хорошей жизнью народ. Один англичанин Фильдинг написал прекрасную книгу о жизни одной части ин-

дийского народа, живущего в огромной области Индии – Бирме и исповедующего буддизм, то есть учение Сиддхартхи. Эта книга и многие другие вызвали большое сочувствие к угнетенному народу, и английское правительство начинает принимать теперь меры, чтобы немного уменьшить тот гнет, от которого страдает кроткое население Индии, большая часть которого придерживается учения Сиддхартхи.

Извлечения из буддийских писаний

Переводы буддийских писаний сделаны нами не непосредственно с тех наречий (санскритского, палийского, китайского), на которых они записаны, а с переводов на европейские языки, которые сделали западно-европейские и индусские ученые: Макс Мюллер, Фоусболль, Ольденберг, Рис Дэвидс, Билль, Наразу, Вивикананда и др. (...)

Истинная жизнь. Жизнь вне времени

1. В учении моем нет ничего таинственного. В следовании истине нет никакой тайны, нет ничего, что бы мог скрыть учитель.

Таинственность свойственна: 1) женщинам, прибегающим к тайнам и в своих любовных делах избегающим гласности; 2) духовенству, хвалящемуся тем, что оно обладает особым откровением, и 3) всем тем, кто сходит в сторону с пути истины.

Три вещи сияют миру, и их нельзя скрыть: солнце, небесные светила и истина. В них нет тайны.

2. Размышление – путь к бессмертию, легкомыслие – путь к смерти. Бодрствующие

в размышлении не умирают никогда; легкомысленные, неведующие подобны мертвым.

Пробуждай сам себя, тогда защищенный собою и бодро внемлющий божественному голосу в себе, ты будешь неизменен и вечен.

3. Как пламя, задутое ветром, не существует больше, точно так же для мудрого человека не существует та временная жизнь, связь с которой он порвал, затушив свои страсти.

4. Тот вошел в вечную жизнь, в ком нет похотей, в ком угасли желания, кто победил всякое сомнение.

5. Есть остров спасения для тех, кто занесен бурным течением на середину реки, захвачен смертью. Остров этот – вечная жизнь, то состояние, в котором ничего не желают, ни к чему не стремятся.

6. Я не могу освободить тех, кем владеет сомнение, кто не стремится к истинной жизни. Познай истину, и тебе не нужно учителей, ты сам победишь временную жизнь.

7. Кто в своем преходящем, в своей личности и в своей телесности не видит себя – тот познал истину жизни.

8. Мы все – только следствие того, что ду-

маем.

9. Сами светите себе, сами охраняйте себя, только в самих себе можете вы найти убежище. Убежищем вашим может быть только истина. Не ищите опоры ни в чем, как только в самих себе.

Пусть тот, кто следует моему учению, хотя и живет еще в теле, так смотрит на телесное – временное: скорбь возникает из телесных желаний, но, будучи ревностным, стойким, мудрым, можно победить эту скорбь. Думая, размышляя, можно победить страдание. И кто сам будет постоянно светить себе, сам охранять себя, не прибегая ни к какому внешнему убежищу, а видя это убежище только в истине, – тот только вступит в вечную жизнь.

10. Не стремитесь ни к тому, что вверху, ни к тому, что внизу, ни вдали, ни в середине, – пусть сердце твое не будет в этом мире. Только тогда победишь ты рождение и смерть.

11. Мужайся, иди по этому миру, руководясь только мудростью, и ты узришь вечную жизнь.

12. «Что я буду есть? Как дурно спал я про-

шлую ночь! Где-то я буду спать эту ночь?!» – эти мысли чужды истинно мудрому человеку.

13. И один день жизни человека, познавшего путь бессмертия, ценнее сотен лет, прожитых в неведении того, что возможно освобождение. И один день жизни человека, постигшего истинную цель жизни, лучше сотен лет жизни, далекой от познания истины.

14. Как верно то, что камень, брошенный кверху, не остается там, но возвращается на землю, так же верно и то, что смотря по добрым или злым делам твоим будет отмечено тебе исполнение желания твоего сердца, в каком бы виде и в какой бы мир ты ни вступил.

15. Эта крепость была сделана из костей, покрыта мясом и напитана соком крови, и вот обитает в ней старость и смерть, гордость и высокомерие... Разрушаются драгоценные колесницы царей, старость близит к разрушению тело... Только учение добрых не стареет, не рушится, – пусть благородные возвещают благородным.

16. Поняв разрушимость сотворенного, ты узришь вечно неизменное.

Неведение

1. Бойся незнания, но еще больше бойся ложного знания. Отврати твое зрение от мира, обмана и не доверяй своим чувствам, – они лгут. В себе самом, во внеличном ищи вечного человека.

2. Ни отец, ни мать, ни родные, ни близкие не сделают тебе так много добра, как твой ум, избравший верный путь.

3. Взгляни на небо и на землю и подумай: все это преходяще. И горы, и реки, и различные формы жизни, и все то, что создает природа, все это преходяще. Как только ты достигнешь этого состояния души, тотчас явится просветление.

4. Злом воздаст тебе твой враг, больно оплатит ненавистник, но несравненно горшее зло принесет тебе заблуждающийся ум

5. Сокрушение неведения заключается в победе над похотью, над нашими желаниями, в победе над греховной жизнью, в постоянном, неусыпном бодрствовании и работе над собой, – в размышлении об истине.

Благо

1. Встаньте, проснитесь, что вы дремлете? Какой сон может быть у больных, отравленных ядом страдания, обуреваемых тоской?!

Встаньте, проснитесь! Учитесь жизни, ведущей в вечность, бодрствуйте, чтобы смерть, воспользовавшись вашей беспечностью и обольстив вас, не подчинила себе.

Победите свои желания, не упускайте решительной минуты жизни. Помните, что тот, кто упустит эту минуту, навсегда обрекает себя на гибель.

Только постоянной бдительностью, постоянным размышлением удалите вы из себя отравленную ядом страдания стрелу, которою пронзено ваше сердце.

2. Тот только может быть назван блаженным, кто разгадал эту жизнь погибели, кто освободил себя от страстей и грехов, кто ничем не пятнает себя, — только тот не знает ни рождения, ни смерти.

3. Высочайшее блаженство заключается в том, чтобы постигнуть, в чем заключается

истинная жизнь, в чем закон жизни, где истинный путь. И затем блаженство будет в том, чтобы жить праведной жизнью, заботиться о ближних, отвращаться от всего греховного, не пить хмельного, быть целомудренным, стремиться к бессмертному.

4. Только тогда достигнете вы блага, когда будете прилепляться к доброму, разумному, когда будете идти по пути истинной жизни, когда будете близки к смыслу учения.

5. Не думайте, что благо ваше может прийти извне. Благо ваше внутри вас и зависит только от вас. Не рождаются волны в глубине моря, там все в покое, – не допускайте и вы в себе волн внешнего мира, не стремитесь ни к чему внешнему – и вы будете обладать благом.

6. Пусть человек не думает небрежно о добре, говоря в сердце своем: оно ведь не приблизится ко мне. Капля за каплей – наполняет сосуд, – мудрый, даже помалу творя добро, весь наполняется добром.

7. Если и есть истинное сокровище в этом мире, это – вера. Только когда человек постигнет Вечный Закон, истинный путь жизни, –

только тогда он получит единственное счастье, единственное благо в мире. Самое сладкое в мире – это истина. Та жизнь, которая прожита в полном разумении и следовании Вечному Закону, только та жизнь и может называться лучшей.

8. Тот, кто познал истину, у кого нет сомнений, кто руководствуется в жизни справедливостью, тот не горюет, покидая эту жизнь, тот уже не знает смерти.

9. Только тот блажен, кто идет истинным путем, кто победил время, для кого нет ни прошедшего, ни будущего, чьи помыслы чисты, кто не влечется к земному пристанищу.

10. Все блага – ничто пред благом истины; все сладости – ничто пред сладостью истины; блаженство истины безмерно превосходит все радости.

11. О, как счастливы мы, проживая без ненависти к ненавидящим нас! Как счастливы мы, если живем без ненависти среди ненавидящих!

О, как счастливы мы, свободные от жадности среди жадных! Среди людей, снедаемых

жадностью, живем мы, свободные от нее!

О, как счастливы мы, ничего не называя своим! Светлым богам подобны мы, напоенные святостью!

Ложный путь жизни

Грехи. Ошибки

1. Чтобы избегать грехов и побеждать их, прежде всего надо признать то, что корень каждого греха в дурных мыслях.

2. Кто лицемерен, кто, совершив дурное дело, надеется про себя, что никто об этом не узнает, – тот действительно темный и низменный человек.

3. Как трудно очистить мусорную яму, наполнявшуюся годами, так трудно очиститься и тому, кто всего себя напичкал грехами.

4. Не скромная пища оскверняет человека, а оскверняют его плотские наслаждения, жажда сладостей жизни, жестокость и грубость, клевета и предательство, безжалостность и надменность, лишение людей помощи, гордость, лесть, зависть и высокомерие, злоба и двуличие – вот что оскверняет человека.

5. Кто, подделываясь под вид добродетельного, бесстыден и лжив, лицемерен и похотлив, – тот оскверняет истинный путь, – это темный, измененный человек.

6. Человек, преданный жадности, грубый и жестокий, – всегда склонен осуждать и порицать других.

7. Легко замечать заблуждения других, но трудно заметить свои; любят разбираться в ошибках своих ближних, но скрывают свои, как плут старается спрятать свою фальшивую игральную кость.

8. Кто стыдится непостыдного и не стыдится бесстыдного, тот, следуя ложному разумению, вступает на злой путь гибели.

9. Не думайте, что вы можете очиститься в жизни, достичь совершенства, ходя голыми, брея голову или живя в грязи. Не чистотой тела, не постом или рыбной пищей, не приношением жертв или исполнением обрядов можно достигнуть истинной жизни. Истинная жизнь достигается познанием и исполнением Вечного Закона.

10. Не поносите других и в мыслях своих.

11. Человек склонен постоянно порицать

других; он взирает только на их ошибки, а в это время его собственные страсти разрастаются все более и более, удаляя его от улучшения.

12. Кто боится нестрашного и не содрогается перед действительно страшным, тот, следуя ложному разумению, вступает на злой путь погибели.

13. Кто, не будучи праведным, старается показаться людям таковым, хочет обмануть этим других – тот злейший вор, темный, самый низменный человек.

14. Только тот идет истинным, верным путем, кто не враждует ни с кем не только на словах, но и в мыслях своих, кто забывает обман и обиды, кто не потребляет хмельных напитков, кто с отвращением смотрит на насилие и притеснения и не участвуют в них. Только тот, кто бережет свое познание истинной жизни, – только тот войдет в вечную жизнь.

15. Не предавайтесь питью хмельных напитков, не поощряйте и не одобряйте в этом других, зная, что пьянство ведет к безумию. Опьяненный делает много греховного и скло-

няет к пьянству других. Избегайте этого безумия, приятного только глупцам.

Страсти

1. У Сиддхартхи спросили, в чем начало страстей, ненависти, страха? Откуда возникают сомнения и беспокоят дух?

Сиддхартха отвечал: страсти и ненависть коренятся в телесном, только телесное рождает страх и ненависть, только телесное возбуждает сомнение, которое беспокоит дух. Страсти коренятся и растут в теле, как ветки на дереве. Они связывают человека, как повилка оплетает дерево. И тот, кто узнал, где коренятся страсти и сомнения, тот сумеет и вырвать их, тот сумеет переплыть этот океан жизни и вступить в вечную жизнь.

2. Избегай всего того, что тешит только твое тело, что зажигает в нем страсти; обращай свои взоры к тому, в чем мир не видит радости.

3. Кто хочет наслаждаться полным покоем, пусть вырвет в себе корень обольщения, пусть не думает, что он мудр, а пусть, неустанно размышляя, научится укрощать возникающие в его сердце желания.

4. Кто охвачен пламенем страстных влечений, кто жаждет наслаждений, тот растит только свои похоти и сам заковывает себя в цепи.

5. Все растет жажда безумца, все тянется она, подобное повилике; она переходит от жизни к жизни, как обезьяна, ищущая в лесу плодов, прыгает с дерева па дерево.

6. Кто охвачен этой низменной жаждой – этой жаждой, полной отравы, вокруг того обвьются страдания, подобно вьющейся повилике.

7. Кто побеждает эту жажду, которую может победить разумный человек, – от того отпадают все страдания, как с листка лотоса скатываются дождевые капли.

8. Кто сдерживает возникающий в нем гнев, тот, как врач, останавливает силу яда, как змея, сбрасывает изношенную кожуру.

9. Только тот может быть назван мудрым, кто сам себя ведет в жизни, кто никого не гневит и сам не гневается.

10. Тот только может назваться мудрым, кто угасил свои страсти, укротил свои чувства, вырвал из сердца всякое влечение

и не дает влечению вновь укорениться в сердце своем, – только тот, кто уединенно идет своим путем.

11. Только тот пойдет истинным путем, кто загасит в себе страсть к земным и небесным радостям. Только тот победит жизнь, кто познает истину.

12. Ни нагота, ни власяница, ни грязь, ни пост, ни сон на непокрытой земле, ни осыпание головы своей пеплом, ни неподвижная сосредоточенность – ничто не очищает того, кто еще не победил в себе страстей.

13. Как рассуждает разумный человек, если ему приходится испытывать наслаждение? «Где коренится источник этого наслаждения? – спросит он. – Источник коренится в моем теле. Но это мое тело непостоянно, оно создано, оно вызвано в мир какими-нибудь причинами и разрушится. Каким же образом может быть постоянным то наслаждение, причина которого находится в непостоянном, разрушающемся? А если так, то нечего и ценить такое наслаждение, надо отрешаться от него, стремясь к постоянному, вечному».

Зло

1. Пусть человек не думает легкомысленно о зле, говоря в сердце своем: оно ведь не коснется меня. Малыми каплями наполняется водный сосуд, весь наполняется злом безумец, мало-помалу творя злое.

2. Если не поранена рука человека, он может коснуться змеиного яда, – не опасен яд здоровой руке; только для того безвредно зло, кто сам не творит злого.

3. Как ржавчина мало-помалу вконец разъедает железо, так и злые дела приводят к дурному концу.

4. Не киснет свеженацеженное молоко, не дает немедленно плода злое дело, но, как огонь, закрытый в тепле, оно исподволь жжет и мучит безумца.

5. Кто обижает беззащитного, чистого, безгрешного человека, тот, безумец, сеет зло на свою же голову.

6. Творящий злое благоденствует, пока не созрел плод его злых деяний; но когда созреет этот плод, тогда творящий беззаконие воочию увидит все свое зло. Злые дни видит добродетельный, – все еще не созрели плоды его добрых дел; но блажен он будет, когда де-

ла его принесут добрые плоды.

7. Сам творишь зло – сам и страдаешь; сам бежишь от греховного – сам же очищаешь себя от зла. Сам ты делаешь себя чистым и нечистым, и никто, кроме тебя, не будет твоим спасителем.

8. Тот, чья злоба не имеет границ, тот, кто обвит ею, как повиликой, скоро приведет сам себя туда, куда хотел бы втолкнуть его только злейший враг.

9. Человек постоянно склонен порицать других: он взирает только на их ошибки, а в это время его собственные страсти разрастаются все более и более, удаляя его от улучшения.

Богатство. Собственность

1. Вот двое: их жизнь и склонности всегда различны и противоположны. Один – собственник – озабочен всегда накоплением, готов убить всякое живое существо, овладеть собственностью другого. Другой – мудрый: он ни к чему не влечется, ему ничего не нужно, он щадит и любит всякое живое существо.

Как попугаю не сравниться с лебедем в быстроте, так и собственник не сравнится

с мудрым в силе проникновения в смысл жизни.

2. Познавший истинную жизнь не совершает ни покупок, ни продаж, не порицает никого, не поучает из-за денег.

3. Кто не думает: «Все это – мое», кто ничего не имеет, ни к чему не влечется, у того нет и печали.

4. Что в твоих заплетенных волосах, безумец, что в твоей власянице? Ты все заботишься о том, чтобы представить чище и блестяще свою внешность, а внутри тебя – тление.

5. Как капля воды не прилепляется к цветку лотоса, так и вы не прилепляйтесь к собственности: ни к жилищу, ни к постели, ни к пище, ни к сиденью, ни к чему, могущему тешить вас.

6. Жадность – это царица мира. Она зарождает желания, она толкает людей к исполнению их.

7. Кто крадет чужое добро, кто старается завладеть тем, что не принадлежит ему, – вот поистине низкий человек.

Похоть

1. Для того, кто предан похоти, тщетны все

поучения.

2. Берегись глядеть на женщин. Если ты видишь женщину, то гляди на нее так, как будто ты ее не видел. Если ты должен говорить с женщиной, то говори с чистым сердцем и чистыми помыслами. Если женщина стара – гляди на нее как на мать, если она молода, – то как на сестру, а если совсем молода, – то как на дочь.

3. Пока ты не уничтожил до самого корня похотливую свою привязанность к женщине, до тех пор дух твой будет привязан к земному, как сосущий теленок привязан к своей матери.

4. Люди, влекомые похотью, мечутся подобно зайцу, попавшему в западню; навсегда увязшие в путях жажды, они вновь подпадают страданию на долгие времена.

5. Разумный избегает развратной жизни, как кучи горячих углей. Кто не может быть вполне целомудрен, пусть не грешит с чужими женщинами.

6. Тот может быть назван мудрым и счастливым, кто с ранней юности своей сохранил себя в целомудрии.

Страдания

1. Телесность не есть мое я (сущность моя). Если бы телесность была мое я, то она не была бы подвержена болезни и страданиям и можно было бы сказать про телесность: я хочу, чтобы мое тело было таким, или не хочу, чтобы мое тело было таким. Но так как телесность не есть мое я, то она подвергается болезням и про нее нельзя сказать: таковым должно быть мое тело или таковым не должно быть.

Телесность – непостоянна, а все непостоянное есть страдание. Можно ли сказать о непостоянном, о страдании, о том, что подвержено изменению, что это – мы, что это – я сам?

2. Если и может быть истинная жизнь, то она может быть при познании двойкой истины. Эта двойкая истина заключается в следующем: 1) надо понять, что в мире есть страдание и в чем заключается начало страдания, и 2) надо понять, что возможно уничтожение страдания и в чем путь, ведущий к уничтожению страдания. Непостижшие этой двойкой

истины неосвободятся от пут временной жизни, не войдут в вечную жизнь. Каким же рассуждением можно прийти к познанию двойкой истины? Есть несколько рассуждений.

Первое: если люди в недействительном видят действительное, если принимают за действительное все то вещественное, которому можно дать имя, если принимают за истину ложь – вот в чем источник всяческого страдания. Ложь всегда ведет к гибели. Не все то, в чем люди, даже ученые и образованные, видят истину, есть истина. Истинно мудрый должен быть свободен от людских заблуждений, только тогда найдет он истинное счастье и вечную жизнь.

Второе рассуждение: когда человек зависим, то он колеблется, хватается за цепи жизни и только увеличивает страдание. Только освобождением от зависимости человек достигает твердости, непоколебимости и таким образом освобождается от страдания.

Третье рассуждение: страдание возникает вследствие того, что люди полагают свою жизнь в том, чтобы удовлетворять своим пяти чувствам. Победивши в себе это стремле-

ние удовлетворяют свои чувства, они тем самым побеждают и страдание. Смотрите и на радости и на печали как на страдание. Узнав, как все это хрупко, отворачайтесь и от радостей и от печалей. Так поступает мудрый и таким образом достигает истинной свободы и счастья.

Четвертое рассуждение: какое бы ни возникло страдание, оно возникает вследствие обладания, стремления к собственности. Отрешением от желания признавать что-либо своим собственным уничтожением этой страсти вырывается корень страдания. Вся наша жизнь в этом мире опирается на понятие о собственности, и кто не отрешается от этого понятия – не войдет в жизнь вечную.

Пятое рассуждение: страдания возникают вследствие похоти питания; уничтожьте эту похоть, уничтожите и страдание.

Шестое рассуждение: какое бы ни возникло страдание, оно возникает вследствие неведения; уничтожайте неведение, тем самым уничтожите и страдание.

И когда вы поймете все это, то увидите, что то, в чем безумцы видят радость, мудрые

видят страдание, и то, чего безумцы избегают как страдания, в том мудрые видят радость. Кто сам себя закрыл, тот ничего не видит. Кто слеп, тому все темно; только мудрый не закрывается, не слеп, – он видит свет. Ослепленные же неведением и ходят около истины, да не видят ее.

3. Все горе и печаль, все страдания в мире происходят от того, что человек привязывается к чему-нибудь. Где нет привязанности – там нет и страдания. Потому-то тот, кто стремится туда, где нет ни горя, ни радости, не должен привязываться ни к чему в мире.

Поведение

1. Наша жизнь – следствие наших мыслей; она рождается в нашем сердце, она творится нашею мыслью. Если человек говорит или действует с доброю мыслью, радость следует за ним, как тень, никогда не покидающая. Если человек говорит или действует с злою мыслью, страдание неотступно следует за ним, как колесо за пятою вола, влекущего повозку.

2. Только трудом живет мир, только трудом живут люди, и самый благородный труд, ведущий человека к совершенству, это – работа над собой, чтобы быть терпеливым, смиренным, покорным, познав смысл жизни.

3. Если и может человек достичь добродетели, совершенства, если и может он пользоваться высшим счастьем, то только тогда, когда он отрешится от праздных, пустых речей и жалоб, от лицемерия и похотливости, от высокомерия и зависти; когда он будет радоваться только тому, что говорит ему разум, когда он будет свободен от похотей.

4. Никогда не было, никогда не будет и нет

никого, кого бы постоянно порицали, как нет и того, кого бы всегда хвалили.

5. Легко совершаются дурные дела – дела, несущие нам самим несчастье; но то, что благотворно и хорошо для нас, делается только с трудом и усилием.

6. Человек, знающий, в чём добродетель, и сомневающийся в истинности своего знания, подобен человеку, идущему по трудной дороге и сомневающемуся в том, может ли он продолжать свой путь. Потому что он сомневается, он не может идти по пути добродетели.

7. Пока мы живем в мире, будут сомнения, но все-таки мы должны стремиться идти по пути добродетели, как человек, который видит на своем пути тропинку над пропастью и идет только по ней.

8. Тот, кто свои прежние злые дела покрыл впоследствии добрыми, светит в этом мрачном мире подобно месяцу в облачной ночи.

9. Хорошо платить добром за добро, но гораздо благороднее платить добром за зло.

10. Блуди себя в мыслях, блуди в слове, охраняй от всего дурного свои действия. Со-

блюдая чистоту этих трех путей, ты вступишь на путь, начертанный Мудрым.

11. Не имей дружбы с творящими злое, не имей дружбы с людьми низменными. Пусть только добродетельные будут твоими друзьями; пусть будут твоими друзьями лучшие из людей.

12. Ищите себе друзей равных или лучших себя. И найдя их, радуйтесь. А если не найдете таких друзей, живите одни, радуясь в своем одиночестве.

13. Счастлив тот, кому не приходится сходиться с глупцами.

14. В ком нет смирения, кто, говоря: «Я – друг твой», не поступает так, чтобы проявить наделе свою дружбу, не думай о том, что он друг тебе.

15. Не друг тот, кто вечно готов на раздор, кто ищет только ошибок в друзьях своих. Тот только друг, с кем тебе так же легко живется, как с родной матерью, которого ничто не отвратит от тебя.

Споры

1. У всякого человека есть меч в устах, и безумец, произнося злые речи, себя же казнит этим мечом.

2. Слова человека, который вполне понял и полюбил истинность того, что он говорит, — благо. И слова его будут понятны слушателям, они будут запечатлеваться в сердцах, вызывать на размышление. Тот же, кто сам не дорожит тем, что он говорит, кто не любит истины, тот не заразит ею и других.

3. Споры только оскверняют то учение, из-за которого они ведутся. Пусть опорой вашей будет Высший Закон, пусть слова ваши будут чисты и благожелательны.

4. Когда вы беседуете с другими, пусть речь ваша будет направлена только к расчленению истины, пусть никакое раздраженное, бранное слово не оскверняет ее. Слова могут восстановить людей друг против друга. И люди, произносящие такие слова, только туже затягивают на себе узы, только попусту тратят время в спорах и отвлекают свои мысли от важного.

5. Тот, кто верит своему разуму, тот, кто чужд всяким толкам, – тот не станет и спорить.

6. Споры возникают оттого, что то, что одни называют истиной, действительностью, другие зовут ложью, воображением. Двух истин нет, есть только одна истина, а потому для разумного человека, знающего истину, нет никаких оснований спорить с другим. Нет ложных истин, есть только одна вечная истина, и только увлекаясь разными философскими мудрствованиями, люди спорят об истине и лжи.

7. Если какое-нибудь учение, по словам других, неизменно, то нет различия между учениями, потому что в каждом учении утверждается, что другие учения изменны, а только его учение возвышенно.

8. Тот, кто думает, что он отличен от других: ниже или выше их, – тот постоянно склонен вступать в споры. Но кто остается сам по себе, у того нет и мысли о различии, тому незачем и не с кем вступать в споры.

9. Кто спорит, защищая какое-нибудь учение, кто говорит: вот в чем единственная ис-

тина, – тому ты скажи: здесь нет для тебя противника.

10. Мудрый знает, что самое главное, это – доброе слово. Вторым является то, когда речь твоя праведна, третье – когда речь твоя приятна, а четвертое – когда она правдива, а не лжива.

11. Споры связаны с завистью. Зависть бывает оттого, что мы не можем отделаться от того, что приятно для нас. В спорах легко зарождается и клевета.

12. Познавший истинную жизнь никогда не перечит другим.

13. И теперь и всегда высмеивают того, кто сидит в молчании, высмеивают и того, кто много говорит, и того, кто говорит мало, – нет никого на земле, кто бы не был порицаем.

14. И злые и праведные люди легко вовлекаются в пререкания, только мудрый не вступает в споры, оттого он и доволен всегда.

15. Хотя бы речь состояла и из тысячи слов, но если слова эти бессмысленны, то лучше одно разумное слово, несущее успокоение слушателю.

Праведники. Мудрые

1. Тот только может быть назван мудрым, кто обладает мощью разумения, кто взрастил в себе добродетель, живет доброй жизнью, кто освободился от цепких уз, загашая в себе страсти и злобу.

Тот только истинно мудр, кто, познав, в чем начало греха, погубил его семя, навсегда прекратил возможность греху пустить в нем ростки. Тот только мудр, кто уничтожил в себе всякое сомнение, кто идет путем, не имеющим ни начала, ни конца, – кто не видит смерти.

2. Истинно мудрый человек живет вне времени, он как бы не существует. Он не прилепляется ко всем тем учениям, которые основаны на видимом или слышимом. Познав ценность мнений толпы, мудрый равнодушен к разным модным учениям, которыми увлекаются другие. Он не участвует в спорах. Нет в нем страстей, нет желаний, нет предубеждений и нетерпимости, – и потому-то он свободен и мудр.

3. Праведный никогда не выставляет напо-

каз своих добродетелей, – оттого-то все видят их и ценят его.

4. Мудрый никогда не радуется и не горюет; радости и страдания не остаются на нем так же, как не остаются капли воды на цветке лотоса.

5. Как лев не боится шума, как капли воды не остаются на цветке лотоса, как ветер нельзя поймать сетью – так точно и истинно мудрый человек, шествуя своим путем, не колеблется на нем ни хвалой, ни осуждением людей.

6. Человек становится мудрым не вследствие учености, не по преданию, не по знаниям. Становится он мудрым потому, что освобождается от страстей и желаний.

7. Не тот мудр, кто умеет держать добрые и красивые речи, а тот, кто терпелив, свободен от ненависти и от боязни, – только тот истинно мудр.

8. Мудрый ничем не может быть побежден, зная, что цепи наслаждений не держатся там, где нет для них опоры.

9. Вдаль несутся бестелесные помыслы, тихо крадутся они, глубоко сокровенные;

кто подчинит их себе, кто обуздает их, тот освободится от их соблазна.

10. Как стрелок выпрямляет стрелу, так выпрямляет мудрец свою неустойчивую и колеблющуюся мысль, строптивую и непокорную.

11. Я – царь, – говорил Сиддхартха, – но я царь не обыкновенный. Я – царь истины, потому что истиною я могу повернуть колесо жизни.

12. Лишь того я назову верным возничим, кто сдерживает свой гнев, несущийся подобно стремительной колеснице; другие же, бессильные, только держатся за поводья.

13. Мудрый видит только в себе судью всего видимого, слышимого. То, что не признано им, считает он дурным. Черпает он свое знание не из разных учений и мудрствований, а черпает его путем праведной жизни, постоянного усилия.

14. Плох тот человек, кто делает что-нибудь посредством насилия. Только тот, кто различает оба пути – правды и неправды, кто поучает других и руководит ими не насильем, но высшим законом и справедливо-

стью, кто верен правде и разуму – тот только назовется истинно праведным.

15. Шумно бегут ручьи, но безбрежное море безмолвно, едва колыхнется. Много шумит мелкое, но спокойно – преисполненное. Мудрый подобен полной чаше.

16. Если не жаждет человек ни санов, ни богатства, ни знатности, если не добивается он успеха в жизни неправедным путем – он благ, мудр и добродетелен.

17. Того только можно назвать истинно праведным человеком, кто терпеливо и кротко переносит обиды и поругания.

18. Шел как-то Сиддхартха полем, где работал брахман Касибхарадваджи. Брахман, увидя бродягу, обратился к нему и сказал: «Вот ты шатаешься без дела, а лучше бы вместо того, чтобы чесать язык, занялся бы работой: вспахал, посеял, а потом и питался бы трудами рук своих».

– Я и пашу, и сею, почтенный брахман, и питаюсь от трудов своих, – отвечал Сиддхартха.

– Где же твой плуг, где твои лошади? Что-то их не видно, – сказал брахман.

– Семена мои – это вера, – отвечал Сиддхартха, – дождь – покаяние, разумение – мой плуг, смирение – дышло, а глубокое размышление – сошник. Я ращу свой разум в теле, осторожен в словах, умерен в пище, мало у меня забот. Я познал истину и ею выпалываю плевелы жизни. Я живу любовью, и она избавляет меня от смерти. И когда вспахана моя пашня, она приносит плоды бессмертия.

Ученые. Мудрствования. Учителя

1. Не назову я брахманом, ученым человеком того, кто называется так только потому, что он происходит из такой семьи. Как бы ни был он богат и знатен, как бы ни чтили его люди – не назову я его ученым. Только тот может называться ученым, кто ничем не владеет и ничего не жаждет.

Кто истинно свободен, стряхнув с себя все узы и оковы, кто победил в себе вражду к другим, влечение к внешнему, призрачному, тот, кто освободился от неведения, – тот только истинно ученый.

Тот истинно ученый человек, кто, не будучи виновен в том, в чем его упрекают, тер-

пеливо переносит упреки, надругательства, злоключения, у кого одна только сила – терпение, одно только оружие – кротость.

Того я назову ученым, кто узнал путь смерти и страданий, – сбросил с себя бремя жизни и ничем не порабощен.

Тот учен, кто бывает кроток среди враждующих, тих среди буйствующих, бескорыстен среди корыстных, в чьем сердце нет ни ненависти, ни страсти, ни двуличия, ни надменности, в ком все это не держится, как не держится горчичное зерно на острие иглы.

Тот ученый, кто победил в этом мире все дурное и хорошее, освободился от печали и страданий, погрузился в глубину вечной жизни и остается чистым, покойным и смиренным, – вот кто истинный ученый.

2. Не по рождению надо отличать образованных, знатных и низких, а по жизни их. Только жизнью своей может сделаться человек истинно знатным и мудрым, и только жизнью своей делается он низким.

3. Истинные учителя не берут платы за то, чему они учат.

4. Тот, кого просят научить доброму, а он

учит дурному, кто учит других лживости и изворотливости, тот, какое бы ни занимал он положение в жизни, – самый низкий человек.

5. Кто учится у низкого учителя, безумца, не познавшего истины, тот идет по пути смерти; не победит он неведения, не постигнет смысла истинной жизни.

6. Нельзя научиться побеждать страдания, изучая разные философские учения; можно побеждать страдания только усилием, трудом. Люди ходят от одних наставников к другим, от одних философских учений к другим, бросаясь как обезьяны с ветки на ветку. Этим они не научатся побеждать страданий, не войдут в вечную жизнь. Этого можно достигнуть только тем, чтобы не предаваться похоти, не увлекаться суетными делами, уничтожая в себе привязанности.

7. Те учителя, которые создают правило на правиле и утверждают, что добро заключается только в том, что они говорят, – те не приведут человека к чистоте. Чистота у них такова, какую они создали ее из предвзятых мнений других.

8. Есть еще ум в глупце, сознающем свою глупость, но нет его у того, кто твердо уверен в своей разумности. Такой человек истинно безумец.

9. Всю жизнь глупец проводит подле мудрого и нимало не познает истины, как никогда ложка не поймет вкуса пищи.

10. Люди молятся в храмах, приносят жертвы богам только потому, что, достигая старости, они все-таки не хотят уйти из той жизни, которою жили, хотят остаться в прежнем состоянии. Молитвы таких людей – это только жажда новых радостей телу. Не могут такие люди войти в вечную жизнь.

11. Приходили к Сиддхартхе брахманы, учителя разных религий, и спрашивали его, осуждает ли он их учения, думает ли он, что их учителя говорили только неправильное. И Сиддхартха им говорил: учителя ваши учили многому правильному, а только вы в своей жизни отступили от их учения. Древние мудрецы отличались терпением и покорностью, они познали цену своим чувствам и размышляли о своем неотъемлемом, вечном благе. Не стремились древние мудрецы

к обладанию скотом, житницами и золотом; единственное сокровище было у них – благо мудрости, и берегли они его пуще всего. Не заботились они о том, что им есть и что пить, а довольствовались тем, что им дадут. Хранили эти мудрые люди свое целомудрие и были целомудренны не только делом, но и в помыслах своих, не испытывая сладострастных ощущений даже во сне. Непоколесимы были они в своей праведности, ни от кого не были зависимы. И другие люди, видя в них пример святой жизни, охотно следовали за ними. Не так поступают теперь те, кто на словах только исповедует их учение; потому-то и люди не следуют за ними.

12. «Может быть, вы подумаете, – говорил Сиддхартха своим ученикам перед смертью, – что вы потеряли своего учителя, нет его больше у вас. Это неправильно. Та истина, о которой я говорил вам, тот путь жизни, который ведет к обладанию ею, – вот ваш учитель, когда я уйду от вас».

Любовь. Сострадание

1. Любите врагов своих, потому что враги ваши – благодетели, если вы полюбите их: они помогают вам достигнуть совершенства.

2. Милосердием и кротостью ты обезоруживаешь всякого врага. От недостатка дров потушается всякий огонь. Милосердие и кротость уничтожают насилие.

3. Побеждай ярость любовью, отвечай добром за зло; побеждай скупость щедростью, лжеца – словом правды.

4. Все живое отвращается от страдания, все живое дорожит своей жизнью; пойми же самого себя во всяком живом существе – не убивай и не причиняй смерти.

5. Не потому человек выше других существ, что бессердечно мучает их, но потому, что он сострадателен ко всему живому.

6. «Другие люди таковы же, как и я; какие они, таков и я». Поймите, узрите себя в других и других в себе, и вы не станете убивать или поощрять к убийству.

7. Как мать неусыпно бережет свое дитя и готова жертвовать для него своей жизнью,

так и вы относитесь с любовью ко всем существам в мире. Воспитав в себе эту любовь, вы станете на самый лучший, истинный путь жизни.

8. Пусть будут счастливы все живые существа: и слабые и сильные, и видимые и невидимые, и родившиеся и находящиеся еще в утробе.

Не убивайте и не причиняйте смерти живым существам. Не одобряйте тех, кто совершает убийство, защищайте всех от вреда: и слабых и сильных.

9. Кто добрый человек? Добр только религиозный человек. Что такое доброта? Прежде всего и главное всего это – согласие воли с совестью (разумом).

10. Наполняйте мир дружелюбием: пусть все создания – и слабые и сильные – не видят от вас ничего, что причинило бы им вред, и они познают путь к миру.

11. Стремящийся к истинной жизни старается соединить разлученных, укрепляет согласие соединенных между собой; что он слышал здесь, он не передает там, чтобы не рассорить одних с другими. Он наслажда-

ется согласием, заботится о согласии. Согласие других – его блаженство.

12. Где нет привязанностей, там нет и страданий. Потому те, которые не любят ничего на свете, богаты радостью, свободны от горя. Потому тот, кто стремится туда, где нет ни горя, ни страданий, не должен любить ничего в мире.

Смерть

1. Быстро проходит эта жизнь! Если бы человек прожил сто лет и более, – все равно он умрет. Себялюбие приносит людям только одни страдания, заботы убивают людей, все в мире стонет от отчаяния, – пойми только это и оставь эту временную жизнь.

То, чем дорожит человек, о чем он думает: «Это – мое», – все это уйдет от него, когда он умрет, ничего он не удержит с собой. Пойми только это и отрешись обладать временным.

Люди носят здесь имя, их видят и слышат, но после их смерти ничего не останется.

У себялюбивых людей не иссякает печаль, сетования и жадность. Только мудрый, просвещенный человек, отрешившийся от себя-

любия, от всего временного, этим самым входит в вечную жизнь.

2. Если ты искоренишь в себе всякое стремление к временному, телесному, если угасишь в себе страсти, все земное, то не будет такой силы, которая могла бы причинить тебе смерть.

3. Взгляни на эту разодетую тень, хилую, одержимую желаниями! Нет в ней силы, не может она защищаться; истощено это тело, хилое и немощее, будто готово оно рассыпаться на куски, жизнь в нем уже переходит в смерть. Голый череп похож на тыкву, сорванную осенью... Можно ли радоваться, можно ли еще веселиться?

4. Как пастух загоняет посохом свое стадо в стойло, так старость и смерть подгоняют нашу жизнь.

5. «Здесь я буду жить во время дождей, там я поселюсь летом», – так мечтает безумец и не помышляет о смерти, а она внезапно приходит и уносит человека озабоченного, корыстного, рассеянного, как наводнение смывает спящую деревню.

6. Как спелые плоды висят на дереве, гото-

вые каждую минуту упасть, так и люди: едва родившись, находятся в постоянной опасности смерти.

7. Ни сын, ни отец, ни родные и близкие – никто не поможет нам, когда поразит нас смерть; просвещенный и мудрый, вполне сознавший смысл этого, быстро расчищает путь, ведущий к успокоению.

8. Человек, преступивший закон, думает, что со смертью вполне уже кончится его жизнь. Такой человек способен склоняться ко всему злему.

9. К тому, кто пребывает в размышлении, кто стал свободен через сознание истины, – к тому крепкому и мужественному не найдет путей владыка смерти.

10. Увы! мир этот связан со смертью и разрушением, но мудрые, познавшие начала этого мира, не горюют.

Истинная свобода

1. Славнее господства над землей – прекраснее восхождения до небес, славнее владычества над мирами – святая радость первых степеней просвещения.

2. Нет никого ни в этом мире, ни в ином, – нет ни ученых, ни властных, ни слабых, ни сильных, кто бы мог изменить мои мысли, кто бы мог повернуть по-своему мое сердце. Оно – мое, никто не властен над ним.

3. Много учений прошло через мир, но кто сам себя заковал в цепи, того не раскуешь никаким учением.

4. У кого не угасли влечения, в ком сильны желания, – тот не может отделаться от чувства страха. Но кто освободился от страстей и желаний, – вошел в вечную жизнь, в том не может быть страха.

5. Из наслаждения возникает печаль, из наслаждения возникает страх; кто свободен от наслаждений, нет для того уже ни печали, ни страха.

6. Тот только может быть назван истинно свободным, кто сорвал с себя все цепи,

все узы, привязывающие дух человека к внешнему, кто вырвал навсегда в себе корень привязанностей.

7. Тот истинно свободен и мудр, кто подобен острию зубца. На нем не остаются привязанности, он ни о чем в мире не заботится. Свободный от всего, живет он только разумом.

8. Кто не достиг независимости, тот легко вовлекается в споры между учениями. Истинно мудрый и не принимает и не отвергает никакого учения, не поддаваясь их обаянию.

9. Мудрый – независим, он не увлекается мнениями толпы. Его не прельщает ничто: ни видимое, ни слышимое, – он не поработит себя.

Нирвана

Буддийское сказание

Введение

Когда Будда Благословенный Учитель Татхагата[3], великий мудрец из рода Шакьев, ходил еще по земле, вести о нем распространились по всей долине священного Ганга, и каждый радостно приветствовал своего друга, говоря:

– Слышал ли ты благие вести? Просвещенный, Совершенный, Святой Учитель богов и людей появился во плоти и ходит между нами! Я видел его, я нашел убежище в учении его. Пойди и ты также и повидай его во всей его славе. Лицо его прекрасно, как восходящее солнце; он высок и силен, как молодой лев, только что покинувший свою пещеру. И когда он открывает свои уста, чтобы проповедовать, слова его, как музыка, и все, кто слушает его проповедь, веруют в него. Короли из Магадхи, Кошалы и многих других стран услышали его голос, приняли его и при-

знали себя учениками его.

Благословенный Будда учит, что жизнь есть страдание, но он знает также и причины его и выход из страдания и уверяет учеников своих, что нирваны можно достигнуть, идя по благородным путям праведности.

Судата, юноша-брахман, за плугом

На полях Кударагары, около небольшого городка Аванти, работал высокий юноша-брахман по имени Судата, распахивая плугом поле Субгути, которого народ звал Маха-Субгути, потому что он был богат и царь назначил его начальником деревни, чтобы он судил народ и при тяжбе решал, кому надо понести наказание.

Судата, идя за плугом, запряженным быками, весело пел. И было чему радоваться, потому что Маха-Субгути, начальник, выбрал его своим зятем и когда согласно древнему обычаю юноша дал своей невесте четыре куска: один, содержащий семена, другой с навозом из коровника, третий с пылью от алтаря и четвертый с землей, взятой с кладбища, — невеста не коснулась куска с землей, что бы-

ло бы дурным знаком, а выбрала кусок, заключавший пыль с алтаря и указывавший таким образом, что ее потомки могут отличаться как выдающиеся священники и служители религии.

Это, по мнению Судаты, была благороднейшая и наиболее желаемая судьба. Богатая жатва и благополучие при разведении скота было великим благословением небес; но что значат все мирские приобретения в сравнении с блаженством религии! И вот эта-то мысль и заставила Судату петь, и он был счастлив, очень счастлив, как сам Индра, могучий бог, когда он упивался сладким соком из сомы. Но вдруг плут Судаты уперся в заячью нору, оттуда выпрыгнул заяц и бросился бежать, беспокойно оглядываясь на своих детей. Судата размахнулся палкой, которой он погонял своих быков, бросился за зайцем, желая убить его, и, вероятно, успел бы в этом, если бы не был остановлен голосом человека, который проходил по дороге и закричал ему:

– Эй, друг мой, что дурного сделало тебе это бедное здание?

Судата остановился в своем преследова-

нии и сказал:

– Заяц не сделал ничего дурного, кроме того, что он живет на полях моего хозяина.

Странник был человек с открытым лицом. Его выбритая голова указывала, что он был самана – монах, сделавшийся бездомным, для того чтобы получить спасение. Это был Ануруддха, ученик Благословенного. Увидев благородное и праведное лицо пахавшего, Ануруддха приветствовал его и, как бы пытаюсь извинить поведение юноши, сказал:

– Тебе, вероятно, для еды нужно было тело зайца?

– О, нет, – отвечал юноша, – в это время года не годится есть заячье мясо. Я погнался за зайцем только ради забавы. Зайцы быстры, и немного найдется людей, которые могли бы их нагнать.

– Дорогой друг мой, – продолжал Ануруддха, – представь себя на месте родителей этого зайца. Что было бы тогда, если бы какой-нибудь могучий гигант лишил тебя твоих детей и погнался бы за тобою, чтобы убить тебя, как ты намеревался сделать это с бедным зайцем?

– Я бы дрался с ним! – отвечал быстро Судата. – Я бы дрался с ним, хотя он, разумеется, и мог бы убить меня.

– Ты храбрый мальчик, – ответил ему самана. – Но представь себе, что гигант убил бы всех любимых тобою: твоего отца и мать, твою жену и детей и оставил бы жить только тебя, смеясь над твоим несчастьем.

Юноша стоял в замешательстве. Никогда он не тревожил ума своего подобными мыслями. Никогда не думал он о том, что есть несчастье в этом мире. Никогда не заботился он о созданиях слабее его самого и не задумался бы причинить страдание другим только ради своего удовольствия. Он был самолюбив, старался исполнить все, что говорил, был хорошо одарен от природы, однако же не доставало ему одного.

Ануруддха подумал про себя: «У этого юноши благородная душа, но на него дурно влияли. Если он останется без просвещения, то его ничем не руководимая энергия может сделать ему великий вред. Если бы он понял религию Татхагаты, которая славна как по проповеди своей, так и по духу своему, которая

истинна в своих основаниях, сияет, как солнце, в своих учениях и любовна в своем применении, то мужество и храбрость этого юноши, которые иначе пропали бы бесплодно, можно было бы обратить к совершению великих дел».

И он обратился к Судате, говоря: «Ты не знаешь, друг мой, слов Татхагаты о том, как надо себя вести по отношению к животным? Благословенный сказал: „Наполняйте мир дружелюбием. Пусть все создания – и сильные и слабые – не видят ничего от вас, что могло бы причинить им вред. И все тогда узнают цену пути мира“. Заяц этот, подобно другим созданиям в мире, имеет те же самые чувства, какие есть у тебя. Он так же, как ты, испытывает боль, старость и смерть. Ты не всегда был силен и здоров. Много лет тому назад ты был слабеньким, беспомощным ребенком и не выжил бы, если бы не было нежных забот твоей любящей матери и защиты твоего дорогого отца. Ты думаешь только о настоящем, забывая прошлое, так и неведомое еще тебе будущее. Точно так же, как ты не помнишь, когда тебя корми-

ли грудью, тем более ты не помнишь своего состояния, когда ты был во чреве матери, еще более не помнишь ты прежних существований, в которых душа твоя постепенно развивалась до своего теперешнего состояния».

– Почтенный муж, – сказал юноша, – ты хороший учитель, и я хотел бы поучиться у тебя.

Самана продолжал:

– Даже Татхагата, наш господь, прошел через все ступени жизни в правильной последовательности. Стремясь к истине, управляя собою, будучи любовным, он так исправил сердце свое, что все поднимался по лестнице существ, пока не сделался Просвещенным, Совершенным и Святым Буддой и не достиг нирваны. Мириады лет тому назад он был червяком; точащим почву на земле, он плавал в океане, как рыба; как птица, жил он на ветвях деревьев и сообразно своим делам переходил из одной формы существования в другую. Говорят, что он также был и зайцем, влачившим свое случайное существование на полях. Слышал ли ты когда-нибудь рассказ о зайце?

– Нет, никогда! – отвечал юноша. – Расскажи мне его.

Рассказ о зайце

А нуруддха начал:

– Так я слышал однажды, Бодхисаттва жил зайцем в полях плодоносной страны, но зайцев стало так много, что начал ощущаться недостаток в пище и распространяться мор по стране.

Тогда Бодхисаттва подумал, будучи зайцем: «Трудное время настало, и народ страдает от недостатка риса и пшеницы. Он подыметя в гневе и станет убивать всех зайцев, которые живут в стране, и я также должен буду умереть. Не могу ли я совершить благородный поступок даже и в этом моем состоянии, пока я живу без толку? Я слабое создание и жизнь моя бесполезна, если я не сделаю чего-нибудь такого, что хотя бы и было маленьким, но клонилось бы к просвещению, ибо только через одно просвещение достигну блаженство бессмертной нирваны. Буду же я стремиться к нирване. В мире этом может проявляться сила добродетели, в мире

этом может проявляться сила правды. Состояние Будды возможно, и те, кто достигает Будды мудростью искренних мыслей и добрыми делами, покажут другим путь к спасению. Сердца будд полны истины и сочувствия, сострадания и долготерпения. Сердца их стремятся с одинаковой любовью ко всем живущим существам. Стану я подражать им, буду стараться все более и более уподобляться им. Истина одна, и существует только одна вечная истинная вера. А потому следует и мне, размышляя о буддах и поступая согласно моей вере, применить ее на деле, идти по путям истины, которая приведет к доброте и облегчению страданий».

Бодхисаттва подошел к своим братьям зайцам и стал проповедовать им. Но они не послушали его слов. Они сказали:

– Ступай, брат Бодхисаттва, и соверши благородный поступок; ступай и принеси себя в жертву истине; умри, чтобы другие могли жить, и прими свой удел, чтобы снова родиться к высшей и лучшей жизни. Но не причиняй нам беспокойства своими проповедями. Мы любим жизнь и предпочитаем то сча-

стве, которым мы наслаждаемся сейчас и которое действительно распространения истины, благо от которой еще сомнительно. На полях для нас много маиса и пшеницы, риса и всевозможных сладких плодов. Не беспокойся о нас, каждый должен смотреть за собою.

Неподалеку был там брахман, который удалился в лес для размышления и достижения нирваны. Брахман жестоко страдал от голода и холода. Он зажег огонь, чтобы согреться после холодного дождя, и, протянув свои руки к огню, покорялся своей судьбе, говоря:

– Я должен умереть, прежде чем закончу мое размышление, так как я умру от недостатка пищи.

Бодхисаттва, видя достойного человека в нужде, сказал самому себе: «Этот брахман не должен умереть, потому что мудрость его может быть светочем многим другим, которые бродят в темноте. Я предложу ему себя в пищу».

И с этими мыслями в сердце своем Бодхисаттва прыгнул в огонь и спас брахмана от голодной и смерти.

Вскоре после этого люди в той стране, боясь голода, начали большую охоту. Они вышли все в один день, загнали зайцев в узкое пространство, и больше ста тысяч зайцев умерли в один день под ударами охотников.

Что такое нирвана?

Когда Ануруддха кончил свой рассказ о зайце, он сказал Судате.

– Жить – значит умереть. Ни одно создание, которое дышит дыханием жизни, не может избежать смерти. Все, что сложно, подвергнется разложению. Никто не может избежать разложения. Но добрые дела не умирают. Они пребывают вечно. Это и есть суть Абхидхаммы. Тот, кто осмеливается отдать смерти то, что принадлежит смерти, будет жить и достигнет, наконец, благословенного состояния *нирваны*.

– Что такое *нирвана*? – спросил юноша.

Ануруддха отвечал словами великого учителя:

«Когда огонь вожделения исчезает, тогда можно достигнуть *нирваны*.

Когда пламя ненависти и заблуждения по-

тухнет, тогда достигается нирвана.

Когда волнения ума, происходящие от гордости, тщеславия и прочих грехов, прекратятся, тогда достигается нирвана».

Лицо юноши выдавало его неудовлетворенность новым учением, а буддист продолжал:

– Ни один, цепляющийся за заблуждения о своем я, если не испытывает прелести нирваны, не может понять ее. Всякое временное существование проходит. Всякая сложная вещь снова разложится, и ничего не останется от нашего телесного существования. Все существующее приняло свой вид вследствие известных причин, и всякое высшее существо явилось из более простого путем медленного, постепенного развития, вследствие условий, которые определяют его историю.

Составные части существа находятся в постоянном развитии, и здесь нет ничего, на что можно было бы смотреть как на постоянное я, как на бессмертное существо, как на некоторую суть, которая может оставаться тождественною сама себе.

Знай же, что то, что остается тождествен-

ным само себе, то, что вечно, то, что безуслов-
но неизменно и постоянно, не есть конкрет-
ное существо, не есть какое бы то ни было ма-
териальное тело, не есть особенное личное
существование, это не есть я какого бы то
ни было рода.

И все-таки это нечто существует. Бессмерт-
на, вечна, неизменна его действительность.
Действительность эта самая значительная,
самая важная в мире, но действительность
эта духовная, а не субстанциональная.

Что же это такое? Бессмертная в своем вез-
десуции, неизменная и вечная действитель-
ность – это есть *бодхи* – гармония всех тех доб-
родетелей, которые во век и веков остаются
теми же самыми.

Та истина, на которую опирается мудрый,
когда он начинает говорить, не есть особен-
ная вещь, это не есть я какого бы то ни бы-
ло рода, это не боги и не одушевленные суще-
ства, это ничто, если ничто обозначает отсут-
ствие представления о каком-нибудь особен-
ном я, и тем не менее это ничто не есть несущ-
ествование. Если бы бессмертное, вечное,
неизменное не существовало бы, тогда не бы-

ло бы убежища от мирских страданий. Если бы *бодхи* было бы одно заблуждение, то не могло бы быть просвещение, нельзя было бы достигнуть нирваны, и никакой Будда не мог бы явиться, чтобы указать путь к спасению.

Но Будда явился.

Он понял всю необоснованность веры в неизменность я, он открыл, что все несчастье состоит в нашей привязанности к нашему я, и он указывает путь к спасению через достижение *бодхи*, ведущего всех тех, кто искренно ищет света, к восьмикрестному благородному пути праведности, к славной и бессмертной нирване.

– Почтенный муж, – сказал Судата, – благородного Шакья-Муни, того мудреца, которого ты изучил и которого, кажется, ты провозглашаешь великим учителем, не станут почитать в Кударагаре, потому что все мы хорошие правоверные брахманы, и нет между нами ни одного последователя Будды. Тем не менее я не должен скрывать от тебя, что есть у нас в деревне один человек, который высоко уважает Шакья-Муни. Это Ма-

ха-Субгиту, друг царя Бимбисары, Судья и начальник деревни. Если ты будешь в деревне, пойдя к нему, и он примет тебя. Не потому, что он последователь Будды, но он личный его друг, он встречал Готама на царском дворе и говорит: «Если бы когда-нибудь сам Брама-бог спустился на землю, то он был бы таким, так Готама, ибо, наверно, Брама не мог бы казаться более величественным, более божественным, чем благородный Шакья-Муни». Когда ты встретишь Субгиту-начальника, приветствуй его от имени моего, от имени Судаты, сына Раджи, и он пригласит тебя присутствовать завтра на свадьбе его дочери.

Ступай же теперь в дом Маха-Субгиту, там я встречу тебя, потому что я и есть тот, за кого он выдает свою дочь.

За милостыней

Когда Ануруддха вошел в Кударагару, брахманскую деревню на склоне горы, он задумался на минуту и подумал про себя:

– Что мне делать? Пойти ли мне к Маха-Субгути или пойти мне из дома в дом, согласно правил саманов?

И он решил:

«Следует подчиняться правилам. Я не пойду к Маха-Субгути, но пойду из дома в дом».

Выпрямившись и опустив глаза долу, держа свою чашку в левой руке, самана стал перед первым домом, терпеливо ожидая милостыни. И так как никто не явился у двери, его истощенная фигура двинулась дальше. Многие отказывали ему в подаянии, отправляя его вон с сердитыми речами. Даже те, кто подавал ему небольшую горсть рису, бранили его бродягой. Но так как он был уже свободен от личных побуждений, он благословлял дававших, и когда он увидел, что собрал уже достаточно для удовлетворения нужд своего тела, то вернулся назад, чтобы съесть свой скромный обед под зелеными деревьями

в лесу. Когда же он переходил площадь деревни, появился важный брахман в дверях сельской думы и, скользнув взглядом по страннику, остановил его и спросил:

– Не ученик ли ты Благословенного Святого Будды?

– Я Ануруддха, ученик Благословенного, – сказал самана.

– Хорошо, хорошо, – сказал брахман, – я должен с тобою познакомиться, потому что я встречал Благословенного в Раджаге, и он говорил мне с восхищением об Ануруддхе как искусившемся в метафизике, как о философе, который постиг учение Татхагаты. Если ты действительно Ануруддха, тот самый Ануруддха, мудрость которого хвалил Благословенный, то я рад тебя приветствовать в доме моем. Сделай же мне честь, о почтенный самана, провести время в доме моем; удостой отобедать в моем помещении. Я был бы очень рад, если бы ты почтил завтра своим присутствием свадьбу моей дочери.

– Позволь мне, начальник Кударагары, – отвечал Ануруддха, – съесть мой обед в лесу, а завтра я явлюсь и буду присутствовать

на свадьбе твоей дочери.

– Пусть будет так, – сказал Субгути. – Мы рады будем тебе всегда, когда ты вздумаешь прийти.

Свадьба

Дворец Субгути был украшен флагами и гирляндами, и приемный шалаш для невесты был выстроен из бамбука во дворе за жертвенником. Жители Кударагары ждали у дверей, чтобы поглазеть на процессию. Судата-жених торжественно появился со своими друзьями и почтительно приблизился к отцу невесты.

Почтенный начальник-брахман сердечно принял молодого человека и повел его к семейному алтарю в присутствии своей жены, матери невесты, и единственного сына своего, Качеяны. Тут он предложил жениху напитки из меда и представил ему свою дочь в подвенечном платье с драгоценными украшениями на голове и ожерельем из драгоценных камней.

Обращаясь к жениху, он сказал:

– Следует, чтобы отец-брахман избрал су-

пругом своей дочери, чистокровной девушки-брахманки, и юношу-брахмана, законного сына брахманов-родителей, и следует, чтобы они женились согласно обрядов брахманов. Я выбрал тебя, о Судата, ибо ты достоин невесты. Ты из касты брахманов. Твои кости, колени, шея и плечи сильны. У тебя нет лысины, кожа твоя бела, поступь твоя пряма и голос твой чист. Ты обучен ведам и хорошему поведению. Родители твои уважаемы в деревне. И я верю, что ты выполнишь все обязанности доброго супруга. Дочь моя должна быть тебе верной женой, верной тебе как в счастье, так и в несчастье, и да будут дети, которые родятся от вас, и дети детей ваших достойными своих предков. Невеста ждет тебя в своем подвенечном уборе. Прими ее и живите в мире и согласии.

Обряды были выполнены согласно обычаям страны, и в то время как высший жрец деревни произносил молитвы, отец невесты совершал возлияние из воды. Жених взял за руку невесту и ступил на камень твердости. Тогда молодая чета выполнила церемонию, обходя вокруг алтаря по семи ступенькам, ука-

зывая этим, что они будут отселе спутниками в жизни и готовы встретить все случайности судьбы, дурные и хорошие, полном согласии.

После этого женатая чета, сопровождаемая лучшим другом жениха – братом невесты Качеяной, отправилась в дом жениха, будущий дом невесты. Огонь с алтаря, на котором были сожжены приношения, нес в железном сосуде священник, сопровождавший невесту.

И когда свадебная процессия проходила по улице, народ приветствовал невесту и бросал горсти рису через нее, призывая благословение. В доме Судаты жених провел невесту через приемную.

Развели новый огонь, зажгли его от огня с невестиного алтаря, и, когда совершили полагавшееся жертвоприношение, молодая чета три раза обошла священный огонь Агни. Тогда сели на разостланную красную шкуру коровы, и родственник-мальчик расположился в складках невестиного платья, а брат покойного отца жениха, почтенный старик священник, молился над нею:

– Да защитит тебя Агни, который пылает священным огнем в очаге этого дома! Да бу-

дут жить дети твои в благополучии и достигнут полноты своей жизни! Да будешь ты благословенна, о достойная девушка, как мать здоровых детей, и да узришь счастливые лица твоих мужественных сынов!

Тогда жених дал горсть поджаренного ячменя невесте и сказал:

– Да благословит Агни союз наших рук и сердец!

Проповедь Ануруддхи о счастье

По совершении брачной церемонии Субгути пригласил гостей на обед и, увидя между народом мудреца Ануруддху, позвал и его и усадил около себя. Гости были веселы и наслаждались обедом. А когда вечер становился все холоднее и луна поднялась и разлила свой мягкий свет, все уселись под ветвями широкого банана и стали беседовать о своих богах и о прошлой славе своей страны. Тогда Субгути, судья, обратился к Ануруддхе и сказал:

– Почтенный Ануруддха, я испытываю высокое уважение к благословенному мудрецу из рода Шакьев, которого народ называет

Татхагата, святым Буддой. Но мне кажется, что учение его не подходит к нашему народу. Это философия для угнетенных несчастьями жизни. Она доставляет убежище измученным, больным и печальным, но она не должна иметь успеха у счастливых, могущественных, здоровых. То, что может быть целительным бальзамом для раненных в сражении, то противно и кажется ядом для победителя.

И сказал Ануруддха:

– Учение Благословенного, действительно, предназначено для тех, кто угнетен несчастьями жизни. Оно представляет убежище для измученных, потому что оно доставляет им здоровье и счастье. Счастливые, могущественные и здоровые не нуждаются в удобствах, не нуждаются в помощи, не нуждаются в лечении. Но кто эти здоровые, счастливые и сильные? Есть ли между вами кто-нибудь свободный от печали, болезни, старости и смерти? Если так, то его действительно можно назвать победителем, и он действительно не нуждается в спасении. Правда, я вижу много счастья вокруг меня. Но хорошо ли обосновано ваше счастье? Будет ли ум

ваш ясен и спокоен в минуты скорби и в час смерти? Только тот достиг истинного счастья, кто вступил в бессмертную нирвану, то состояние души, которое поднимается выше мелких мирских искушений и освобождает нас от заблуждений о я. Счастье, покоящееся на мирском благополучии, – это опасное положение, ибо все меняется, и только тот воистину счастлив, кто отказался от привязанностей ко всему переменяющемуся. И нет действительного счастья, кроме того, которое основано на религии Татхагаты.

Татхагата открывает глаза тем, кто думает, что они счастливы, чтобы они могли видеть опасность жизни и ее ловушки. Когда рыба видит крючок с приманкой, она думает, что она счастлива. Но она сразу увидит свое несчастье, как только почувствует острие у себя во рту.

Тот, кто ищет своего личного счастья, всегда должен быть полон боязни. Он может относиться безразлично к несчастью его собратьев, но он не может быть слеп к тому, что тот же самый конец ожидает и всех нас. Счастлив тот, кто воздаст смерти то, что при-

надлежит смерти. Он победил смерть, и какова бы ни была его судьба, он будет спокоен и будет владеть собою; от отказался от воображаемого я и вступил в царство бессмертия. Он достиг нирваны.

Судата посмотрел на невесту и сказал:

– Никогда не приму я учения Готамы, потому что не следует жениху оставлять свою невесту для того, чтобы достигнуть нирваны!

Ануруддха, выслушав замечание Судаты, продолжал:

– Мой юный друг боится, что учение Татхагаты отвлечет его от невесты, которой он сегодня поклялся в верности. Но не в этом дело. Ты слышал уже рассказ о том, что Благословенный покинул свою жену и ребенка и отправился на бездомничество, потому что заблуждение господствует в мире и мир лежит во тьме. И достигнув бессмертной нирваны, он теперь старается только об одном – указать путь другим. И мы, его ученики, которые, подобно ему, оставили мир, посвящаем себя религиозной жизни не ради себя, потому что мы уже ясно поняли весь вред нашего я, а ради спасения мира. Но не в этом дело.

Освобождение является не в расторжении уз жизни, а в том, чтобы отказаться от своего я. Пустынник, который отрезал себя от мира, но лелеет в сердце своем хотя бы малейшее желание свое, – будет ли это ради счастья в этой жизни или в предстоящей, – не свободен еще. А смиренный отец семейства, если он отказался от всяких желаний, может достигнуть того славного состояния души, плодом которого является нирвана.

Тот, кто стремится к религиозной жизни, должен оставить мирские размышления и со всей своей энергией стремиться получить просвещение. Но тот, у кого есть обязанности в семье, не должен уклоняться от своей ответственности. Татхагата говорит:

*Помогать матери и отцу,
Ходить за ребенком и женою,
Следовать мирскому призванию –
Вот великое благословение.
Всякое добро, благочестивая
жизнь,
Помощь, оказанная соседу,
Поступки, которых нельзя осудить, –
Вот это величайшее благослове-*

ние.

Строго следить за душевной своей чистотой,

Узнать четыре благородные истины

И достигнуть нирваны –

Вот это величайшее благословение.

Спор

Ануруддха видел, что Судата загорелся негодованием. Он перестал говорить и глядел испытующе на молодого человека. Судата встал на ноги и сказал:

– Совершенно отказаться от своего я! Так это-то и есть то освобождение, которое проповедует Готама? Отец мой называл его еретиком и неверным, и действительно он не ошибался, потому что освобождение Готамы – это разрушение. Он отрицает человеческое я. Готама отрицает авторитет священных писаний. Он не верит в Ишвару, Господа всего создания, и он утверждает, что нет души. И он так кощунствует, осуждая обряды, как нечестие; высмеивает нашу молитву

как бесполезную и желал бы разрушить все наши священные учреждения, на которых зиждется наш общественный порядок. Его религия – отрицание всякой религии. Она не божественное, а только человеческое измышление, потому что говорит, что одного просвещения достаточно, для того чтобы осветить путь жизни.

Ануруддха слушал страстное опровержение Судаты и, заметив, как он весь загорелся румянцем, подумал про себя:

«Как прекрасен этот юноша, каким благородным кажется он в своей благочестивой преданности религии своих отцов!»

Тогда он спросил:

– Что ты разумеешь под я?

Судата отвечал:

– Мое я – неизменное, вечное я, которое управляет моими мыслями. Это, одним словом, и есть то, что мы все разумеем под я.

– Что же это в самом деле за я? – воскликнул Ануруддха. Бесспорно, есть нечто такое во мне и в тебе и во всяком человеке, что мы называем я. Но то, что мы называем я, это известный оборот речи, точно так же, как и про-

чие слова и представления, которые населяют наш ум. Слово я, правда, остается на всю нашу жизнь у нас, но оно обозначает переменную. Оно начинается в ребенке вместе с развитием его сознательности и отмечает сначала мальчика, потом юношу, потом человека и, наконец, впавшего в детство старика. Слово может оставаться тем же самым, но суть, которую оно обозначает, меняется. А потому то самое, что само о себе говорит я, – не вечно, не неизменно, не божественно, – одним словом, не то, что философы йоги называют действительно я. Это то слово, которое обозначает всю личность говорящего, со всеми его ощущениями, чувствами, мыслями и желаниями.

Судата отвечал:

– Готама неверный потому, что отрицает существование души, к тому же он противоречит сам себе потому, что говорит о переселении души и о бессмертии. – Не будем препираться из-за слов, друг Судата, – сказал самана, – а лучше пойдем правильно учение. Татхагата смотрит на то я, о котором ты говоришь, как на заблуждение, ошибку, мечту;

привязанность к этому я производит себялюбие, себялюбие же стремится к счастью или здесь, на земле, или за пределами ее, на небесах. Но в то время как это воображаемое я является ошибкою твоей философии, существует действительное я, действительная личность, действительная душа. Нет ни одной личности, кто бы мог вполне владеть своим характером, мыслями и поступками; но характер, мысли и поступки сами по себе составляют личность. Нет в тебе, Судата, этого я, которое думает твои мысли и которое образует твой характер, но сами твои мысли и сам твой характер составляют то, что ты есть. Твой характер, твои мысли, твои стремления – вот твоя душа. Ты не имеешь идей, но ты сам представляешь идеи.

– Но кто же тогда хозяин этих идей во мне? – спросил Судата. – Хозяин моих идей – это и есть мое я.

Ануруддха продолжал:

– Идея я не есть хозяин, который обладает твоим телом и умом и направляет все движения и желания твоей души, но те твои желания, которые являются сильнейшими, они –

хозяин, они управляют тобою. Если вырастут в твоём сердце дурные страсти, ты, как корабль, который предоставлен милосердию ветров и течений на море; но если душою твоею обладает стремление к просвещению, оно повлечет тебя в небеса нирваны, где все иллюзии прекращаются и где сердце твое будет спокойным, как тихое, гладкое озеро. Поступки совершены, и совершающееся отошло прочь, но то, что произошло от твоих поступков, остается; точно так же, как человек, который пишет письмо, прекращает писать, но написанное остается. Рассуждая же о том постоянном, которое остается по совершении нами нашего земного пути, мы должны мудро предначертать наше будущее существование. Надо откладывать в сокровищницу милосердия, чистоты и праведных мыслей. Тот, кто живет благородными мыслями и хорошими поступками, будет жить навсегда, хотя бы тело его могло умереть. Он возродится к высшему существованию и наконец достигнет благословенной нирваны. Нет переселения нашего я, но есть возрождение известной формы души, которое происходит сообразно

совершенным поступкам.

Вера Судаты в учение о своем я, однако же, не была поколеблена. Нет, больше чем когда бы то ни было, он был уверен в его истине, ибо вся душа его стремилась к нему, и он воскликнул:

– Что значат все мои поступки без моего я, без того, что ими двигает? Какова может быть радость, если ею не радуюсь я?

Задумчивое лицо Ануруддхи стало серьезнее, чем когда бы то ни было.

– Оставь свою привязанность к наслаждению и свои мысли о своем я, а живи своими поступками, ибо они и есть действительность жизни. Все существа таковы, каковыми они являются по поступкам в своих прежних существованиях. Они умирают, но возникает наша личность. И то, что ты называешь личностью, то, что наслаждается, твое я, это только живущее воспоминание о прошлых делах. Совершенные в прошлых существованиях дела запечатлеваются на каждом создании в характере его настоящего существования. Таким образом, прошлое рождает настоящее и настоящее есть чрево для будущего. Это за-

кон кармы, закон поступков, закон причины и действия.

Слова саманы были проникнуты глубокою значительностью. Тем не менее слушатель его остался не убежденным, и Качеяна, сын Маха-Субгути, пробормотал про себя:

– Не может быть учение Готамы истинным. Печальна была бы эта истина, если бы она могла быть когда-нибудь истиной. Нет, никогда не расстанусь я с самой милой для меня религией моего отца.

Самана отвечал:

– Выбирай не самое милое, но самое истинное, ибо истина и есть наилучшее.

Катха-упанишада

Судата был слишком счастлив, чтобы его смогло задеть учение еретического учителя. Он, пожалуй, совершенно позабыл бы о своем споре с Ануруддхой, если бы об этом не напоминал ему время от времени его шурины Качеяна и его тесть, которые продолжали рассуждать о религиозных новшествах Татхагаты. Они допускали, что кастовые различия были тяжелы для нижних каст, но говорили, что это не может быть уничтожено без вреда для общества и что не может быть сомнения о том, что разделение на касты божественное установление. Однако и по их мнению представлялось правильным распространять любовь и жалость на все чувствующие существа, которые страдают, не исключая даже самых низших созданий. Конечно, не должно вызывать гнев богов пренебрежением богослужения, но истинные ли это были боги, которые довольствовались кровавыми жертвоприношениями на своих алтарях?

Таковы были вопросы, которые волновали умы Субгути и Качеяны. И когда они начали

рассуждать о них, то стали сомневаться, но все-таки они не переставали быть правыми брахманами.

Однажды Субгугти, начальник Кударагары, пришел к своему сыну с веселым лицом и сказал:

– Мальчик мой, Качеяна, мне кажется, что я нашел решение задачи. Это явилось у меня тогда, когда я читал Яджурведы по поводу установления огненных жертвоприношений Начикеты. Теперь мне это совершенно ясно, и я расскажу тебе об этом. Собери побольше листьев с большого пальмового дерева в нашем саду, набели их, обрежь их концы и приготовь для писания. Мне очень хочется придать окончательную форму моим мыслям, пока я не забыл их.

И сказал Качеяна пытливо:

– Скажи мне вкратце, в чем решение, которое ты нашел?

И начальник-брахман ответил:

– Слушай, я расскажу тебе. Смерть – это великий учитель глубочайших задач жизни. Тот, кто хочет узнать бессмертие, должен войти в чертоги смерти и узнать от смерти тайну

жизни. Нет ни одного ребенка, рожденного в этом мире, который бы не был предназначен как приношение смерти. Но смерть не есть Брама. Она не есть руководитель и Господь. Она предзнаменует разложение, но не может уничтожить души, и человек, который боится ее, не обладает тремя дарами. Смерть допускает для тех, кто вошел в ее чертоги, возвращение и возрождение. Она допускает дальше, что поступки людей не погибают и, наконец, она открывает мужественному исследователю тайну жизни.

И сказал Качеяна:

– Глубоки эти мысли, отец; но главная вещь, чему же учит смерть?

Субгути собрал свои мысли и после некоторого молчания сказал:

– Учение Благословенного глубоко поразило мой ум, но я еще недостаточно убежден, чтобы признать основные положения нашей священной религии ни к чему не годными. Неужели великая огненная жертва только пустой обычай, который не дает никакого плода? Ежели бы это было так, то наши мудрецы действительно только слепые вожатые сле-

пых. Жертвоприношения наши бесплодны и служат только для того, кто не победил желания своего сердца, и не развязал узы, связывающие его со всем преходящим.

И после некоторого молчания Субгути продолжал:

– И представление о неизменном я не может быть больше чем-то воображаемым. Я понимаю теперь, что это я не есть нечто созданное, оно есть единственный руководитель во всем, и оно, однако, не может быть видимо глазом, не может быть постигнуто умом или сказано речью; это я должно быть представлено духом. Это я коротко выражается в восклицании *ом* и есть абсолютное существование, которое не рождается и не умирает.

– Тогда твое решение, отец, – сказал Качеяна, – есть защита старого брахманизма?

– Да, это так, – сказал Субгути, – но отношение мое к брахманизму значительно изменилось вследствие рассуждений нашего друга Ануруддхи. Я допускаю, что одно дело – то, что воистину хорошо, и другое – то, что дорого нашему сердцу; и хорошо привязаться к хо-

рошему и оставить то, что дорого нашему сердцу ради лучшего. Я не могу отрицать ту истину, которую Татхагата запечатлевает в умах своих последователей, что все сложное разложится, но я чувствую в самой глубине своего сердца, что есть нечто, чего смерть не может разрушить, и это нечто есть то, что наши мудрецы называют я. Я стремлюсь узнать, что это такое, ибо только тот, кто узнает это, найдет покой душе своей. Пусть Ануруддха объяснит мне загадку этого я, но он не должен говорить, что нет ничего, что я мог бы назвать моим собственным, что жизнь пустота и что не существует вечность.

Когда настало дождливое время, можно было видеть Субгугти пишущим на своем балконе, и когда солнце прорвалось сквозь тучи и явилось во всей своей прежней красоте голубое небо, он окончил свое сочинение, которое назвал «Катха-упанишада – рассуждение о великом вопросе „почему?“», который является всем нам, всем, поглощенным решением вопроса о жизни.

Все эти-то дни наступления хорошей пого-

ды ученики Благословенного Будды имели обыкновение отправляться в путешествие по стране, проповедуя славное учение спасения. Ануруддха снова проходил через деревню Аванти в то время, как Субгути сидел у своего дома в тени деревьев, читая и размышляя о написанном им. Оба обменялись приветствиями, и когда Ануруддха увидел рукопись, то они тотчас же начали рассуждать о великом вопросе жизни после смерти.

Субгути прочел Ануруддхе Катха-упанишаду. Почтенный монах был очень доволен ее глубокомысленностью и красотой изложения, но покачал головою и сказал:

– Действительно, существует бессмертное, но бессмертное не есть я. Бессмертным не может быть существо. Оно не есть та суть, то я, которое является в нашем представлении сознания. Все существующее, все существа, все сути, все оттенки существования сложны, а сложное подвергается разложению. Бессмертное не есть то, что ты имеешь, меньше меньшего и больше большего. Оно не мало и не велико. Оно не субстанционально и без всяких признаков телесности. Бессмерт-

ное состоит из вечных добродетелей, посредством которых оправдывается существование и познание которых образует просвещение. Высшие добродетели суть четыре благородные истины: о страдании, о происхождении страдания, об избежании страдания и о восьмеричном пути праведности, который ведет к избавлению от страдания.

И сказал Субгути:

– Я допускаю, что вечное не может быть материальной вещью; что вечное не может быть сложным; оно должно быть нематериально; оно должно быть духовно. Я не есть тело, ни чувство, ни ум. Это то, чем человек познает предметы как во сне, так и во время бодрствования. Сознание «я есмь» есть великое вездесущее я, оно бестелесно в теле, как Агни-огонь, находящийся скрытым в двух палках, из которых его можно получить.

Ануруддха с глубоким вниманием слушал рассуждения Субгути и быстро отвечал:

– Агни-огонь не находится в скрытом состоянии между двумя палками. Две палки, из которых получается огонь, деревянные, ничего больше из себя не представляют,

как только дерево; и ни в одной палке нет скрытого огня. Огонь образуется через трение, производимое нашими руками. Таким же точно путем сознательность является производением условий и исчезает вместе с тем, как перестанут действовать условия. Когда дерево сторело, куда уходит огонь? И когда условия сознательности перестали действовать, где будет оставаться сознательность? Мы привыкли говорить: «Ветер дует». Как будто бы существовал ветер, который совершал действие дуновения. Но нет ни того ни другого. Нет, во-первых, ветра, а во-вторых, действия дуновения; существует только одно, что представляет из себя движением воздуха, называемое ветром или, если можно так сказать, дуновение ветра. Таким же точно образом нет личности, которая помнит поступки, но воспоминания о поступках сами по себе суть личность.

– Когда человек умер, – продолжал Субгүти, – некоторые говорят, что он существует, а другие, – что его нет. Я так понимаю, что Благословенный учит, что его нет, что в свою очередь означает, если это точно

понимать, что его и потом не будет.

– Нет, друг, – отвечал резко Ануруддха, – нет, друг, твое решение задачи опирается на ложные основы. Если твое я не существует теперь, как же тогда оно может продолжать свое существование, после того как ты ушел? Тем не менее то, что ты есть теперь, будет продолжать существовать и после окончания своего телесного существования. Правда, ты прав, когда сравниваешь человека в твоей Ката-упанишаде с тем древним деревом, корни которого растут вверх, а ветви растут вниз. И как дерево появляется со всеми признаками этого рода, так и человек возрождается и его особенная карма возрождается в новых существах. Нет я в фиговом дереве, которое переселяется из родительского ствола в новые отпрыски, но есть первообраз, который сохраняется в дальнейшем росте и развитии новых деревьев.

– Есть одно вечное мыслящее существо, – сказал Субгути, – мыслящее не вечные мысли, и это вечное мыслящее существо и есть я.

– А не было бы твое рассуждение правильнее, – прервал его Ануруддха, – если бы его

иначе повернуть: существуют вечные мысли, которые мыслятся невечными мыслителями. Другими словами, то, что мы называем мыслитель, есть только произведение мысли; и произведение мыслей истинных – это и есть достижение вечного. Истина бессмертна, истина – нирвана.

Начальник-брахман чувствовал, что самые священные убеждения его опущены при этом утверждении, и он спрашивал не без некоторого дрожания в своем голосе:

– Разве нет во мне ничего неизменного, ничего, что вечно и бессмертно?

– Есть ли в тебе что-нибудь бессмертное или нет, – был ответ Ануруддхи, – исключительно зависит от тебя самого. Если ты состоишь из мыслей чистых и святых, – и ты чист и свят; если ты состоишь из мыслей грешных, – и ты грешен; и если ты состоишь из бессмертной истины, – ты бессмертен. Жизнь достигается только в бессмертии, и работа истины совершается в нирване.

Субгути покачал головою.

– Я хочу обладать истиной, но не хочу потерять тождественность с самим собою?

Чем я стану после разложения моего тела?
Я дрожу при мысли утратить мое я. Неужели
нет ничего, что я мог бы назвать своим соб-
ственным?

– Позволь мне ответить, – сказал Ануруд-
дха, – словами Благословенного, который ска-
зал:

*Ни зерно, ни богатства, ни скла-
ды золота,
Ни жена, ни дочери, ни сыновья,
Никто, кто ест свой хлеб,
Не может последовать за тем,
кто покидает эту жизнь,
Потому что все должно оста-
ваться позади.
Всякий поступок, который совер-
шает человек –
Телом ли, голосом ли, умом ли, –
Все это может называться его
собственным,
Все это он возьмет с собой, когда
пойдет отсюда,
Все это есть то, что следует
за ним,
И все это, как тень, никогда
от него не отстанет.
Пусть тогда все совершают бла-*

*городные поступки,
Сокровищницу будущего богат-
ства,
Ибо заслуга, приобретенная этой
внутренней жизнью,
Вызовет благословение в будущей.*

Передав слова Благословенного, Ануруддха продолжал:

– Поступки твои – твои собственные и будут оставаться твоими навсегда. Мысли твои, слова твои, действия твои не уйдут; когда они пройдут, они будут оставаться с тобою. Они живые камни, из которых выстроена душа твоя. И нет никакой силы ни на небесах, ни на земле, ни в аду, посредством которой ты мог бы отделаться от них. История твоей жизни – это и есть твое я, твое истинное я, и так как история твоей жизни продолжается и после твоей смерти, то твое тождественное с самим собою я останется. И когда мы отойдем отсюда, из этой жизни, мы будем продолжать жить согласно нашим поступкам.

Эпидемия

У молодой четы родилось трое детей, и все три мальчика много обещали впереди. Мечты Судаты сбывались ярче, чем он мог на это надеяться. Но времена меняются, и несчастье наступает иногда человека в то время, когда он меньше всего этого ожидает. Появилась засуха, пересохли все колодцы, в стране распространились голод и заразная болезнь. Народ молился богам, народ постился, каялся в своих грехах, священники приносили жертвоприношения, пели молебны, но дождь не являлся. Еще приносились жертвы, проливалась кровь убитых животных, а засуха продолжалась; боги оставались глухи к мольбам своих священников. Голод все увеличивался, и болезнь свирепствовала все с большей и большей силой. Начальник Субгути сделал все, чтобы облегчить тяжелую участь своего бедного народа. Он был богатый человек, по всего его богатства было недостаточно, чтобы накормить бедных.

Судата делал все, что мог, для того чтобы лечить больных. Выучившись от своего отца,

деревенского священника, обязанностью которого было собирать священные травы для жертвенников и узнавать особенности разных растений, он приготавливал целебное питье, чтобы уменьшить страдания больных, и в его трудах ему помогали Качеяна и Субгугти.

Когда, наконец, эпидемия стала уменьшаться, сам начальник Субсути сделался больным. Сначала казалось, что просто он устал от бессонницы и печали, но скоро сделалось ясным, что и он был заражен тою же болезнью, и положение его стало опасным. Родственники собрались у его изголовья и были безутешны. Он был так трогателен в своей любви к каждому, что всякий думал, что не может жить без него; но сам он оставался ясным, в полном самообладании. Благословив своих сыновей, свою дочь и внуков, он утешал их, говоря:

– Перестаньте печалиться; нет никакой печали от потери этого тела; оно уже изношено старостью и болезнью, как старое платье. Если вы полюбите всем вашим любящим сердцем тот пример, который я даю вам, смерть

никогда не в состоянии будет разделить нас.

Когда пришел вечер, Субгути отослал свою дочь и внуков, оставив при себе только Качеяну и Судату, и когда страдания и боли на некоторое время прекратились, он сказал:

– Страдания, которые я испытывал, открыли мне глаза, и я понял четыре благородные истины, провозглашенные Татхагатой. Я чувствую, что моя жизнь угасает, но это нисколько не волнует меня, ибо смерть потеряла свой ужас для меня. Где бы я ни возродился, я уверен, что это будет высшая ступень и что я ступенью ближе буду к святой цели – нирване.

– Правда, отец, – согласился с ним Судата, – после долгой жизни, проведенной в делании добра, ты заслужил высокой награды, которая будет не что иное, как благословение брахманских небес.

Собрав еще раз все свои силы, Субгути отвечал:

– Не говори мне о наградах тогда, когда существует обязанность, которая должна быть исполнена. Небеса брахманов созданы для тех, которые привязаны к мыслям о себе. Я уверен, что в предстоящем возрождении бу-

дет иметь покой мое тело, но не моя душа, не моя любовь к человечеству, не мое сострадание к тем, которые страдают, не мой ищущий истины ум. Пока есть страдания в мире, до тех пор я не приду в состояние покоя; никогда я не пожелаю подняться в небеса блаженства. Я хочу возродиться в глубочайших пропастях ада. Там несчастье самое большое и там больше всего нуждаются в спасении. Вот это-то и есть самое лучшее место, чтобы просветить находящихся в темноте, дать выход тем, которые затерялись, и указать путь тем, которые заблудились.

С этими словами Субгути опрокинулся назад, совершенно истощенный. Он пробормотал разбитым голосом отходную молитву буддиста, произнося:

*Я нахожу убежище мое в Будде,
Я нахожу убежище мое в Дхарме,
Я нахожу убежище мое в Санге.*

Он изложил таким образом ту веру, которая теперь была в нем, и его глаза, сверкавшие до сих пор вдохновением, потухли, и он мирно опочил. Святая тишина воцарилась

в комнате.

И случилось так, что в тот самый вечер Ануруддха проходил через Кударагару. И когда он пришел во дворец Субгути, то не нашел уже своего друга-начальника среди живых. Он поздоровался с Качеяной и Судатой и сел с ними в молчании.

Солнце зашло, и Качеяна зажег свечу, но никто не сказал ни слова. И когда ночь наступила, Ануруддха запел торжественным голосом:

*Как преходящи сложные вещи!
Судьба их – родиться и умереть.
Являясь, они исчезают, они дела-
ют свою работу
И потом перестают и идут
на покой.
Как реки, когда они полны, долж-
ны течь,
Чтобы достичь в свое время дале-
кой реки,
Так добрые дела, которые мы те-
перь совершаем,
Разумеется, благословят пред-
стоящую жизнь.
Пахарь вспахал и засеял,*

*Устал от работы и погрузился
в отдых.
Он отдыхает, а семена его рас-
тут
И дают богатый урожай золото-
го зерна.*

Переписка рукописи

Качеяна присоединился к Ануруддхе. Когда он пошел к Раджагаю и когда он увидел Благословенного и услышал, как он объясняет свое учение, то он сделался одним из саманов и стал известен между ними вследствие своей мудрости. Когда он вернулся домой, то удалился в лес около Кударагары в место, называемое Обрыв, и народ его деревни называл его Маха-Качеяна, так как хотя они, как брахманы, смотрели на него как на еретика, однако же уважали его и говорили:

– Он один из величайших учеников Благословенного, хорошо начитанный в писаниях и достигший высшей степени учености и святости.

Судата потерял веру в религию отцов своих, не приняв, однако, новой веры буддистов.

Однажды гуляя со своим шурином по деревне, он сказал:

– Разве не грустно потерять отца или кого-нибудь, кого мы горячо любим? Воистину нет такого учения, которое могло бы устранить боль и печали и принести неподдельное утешение.

– Дорогой мой брат, – отвечал Качеяна, – до тех пор, пока целью твоей будет избегать страдания для твоей собственной личности, ты еще не свободен. Пусть боль от твоего страдания идет своим путем и не пытайся освободиться от естественного закона, которому подчинены одинаково все смертные.

– Но подумай, – возразил Судата, – подумай об ужасной судьбе мертвого! Не ужас ли эта жизнь, когда все твое существование сметено, как будто его никогда не было?

– В этом ты заблуждаешься, – сказал Качеяна. – Смерть – это разложение, но человеческое существование не сметено смертью, как будто бы его никогда не было: всякий поступок его продолжается во всей его неприкосновенной торжественности.

– Печальная улыбка появилась на лице Су-

даты, когда он прервал своего шурина:

– Это не что иное, как игра слов. Если мертвый продолжает жить, то скажи мне, где теперь наш отец?

Качеяна отвечал:

– Разве он не с нами здесь? – И после некоторого молчания он продолжал: – С людьми то же самое, что с книгами. Ты можешь написать подлую вещь или изложить на листах хорошие благородные мысли. Книга состоит не из листов, но из мыслей. Листы – это материал, на котором пишут. И существуют тысячи листьев на пальмах, которые никогда не будут обращены в книги. Когда наш отец, почтенный Субгути, размышлял о смерти, он составил Катха-упанишаду, которая является для меня наиболее ценной книгой, о которой, я когда либо слышал или видел. Он написал ее на листьях большой пальмы в нашем саду. Когда листья побелели и были приготовлены для писания, наш почтенный отец начертал слова Упанишады на листьях и, когда умер, оставил их мне как мое самое драгоценное наследство, ибо оно не сокровище мирских богов, а памятник размышлений его,

памятник, который содержит его бессмертную душу. Прежде я сохранял их потому, что ценил их как образчик его почерка, а теперь я очень ценю и самые его мысли. Во время великой засухи листья были изъедены червями и теперь разлетелись в куски. Но я помню наизусть всю Упанишаду, но, думая о том, что если я умру, то мысли, изложенные в книге, будут утеряны, я стал переписывать их строка за строкой, с возможной тщательностью вспоминая каждый листок. Я передам новую копию другим переписчикам, и Катхупанишада будет сохранена и сделается известной в других землях и другим поколениям. Старая копия сделалась невозможной для чтения и частью обратилась в пыль, но мысли не умрут, ибо они заключены в новую копию. Таким же точно путем сохраняется и человеческая душа. Характер настоящего поколения отразится на грядущем поколении посредством наших поступков, наших слов, наших чувств, и когда мы умираем и уходим, то продолжают существовать наши поступки. Все, что сложно, разложится снова, и пальмовые листья разложатся также, будет жить

только Катха-упанишада.

Гораздо лучше было бы, – сказал Судата, – если бы могло сохраниться и то и другое, и копия книги и мысли, заключающиеся в ней.

– Я подумал бы прежде, чем согласиться с твоей мыслью, – сказал Качеяна. – Помнишь ли ты прекрасные слова Ануруддхи, которые, как эхо, отразились в этой самой Упанишаде. Он сказал: «Не выбирай самого дорогого, а выбирай самое истинное, ибо более истинное есть и лучшее». В то время я выбрал самое дорогое, но жизнь дала мне хороший урок; теперь я выбираю более истинное, и более истинное делается для меня более дорогим.

– Так ли это? – спросил Судата, не будучи в состоянии скрыть своего удивления.

– Да, это так, – был ответ Качеяны. – Смерть не только необходима в жизни как неизбежное последствие рождения, но это самое спасительное явление. Нет никакой причины говорить об ужасах смерти, как нет причины говорить об ужасах сна. На самом же деле есть прелесть в смерти, и это есть та прелесть

смерти, которая ведет к просвещению жизни. Подумай только о том, чем была бы жизнь без смерти? Бессмысленной погоней за удовольствиями и ничего более. Смерть делает время драгоценным. Смерть заставляет нас думать и делает для нас религию необходимой. Смерть одна заставляет нас придавать ценность жизни. Если бы не было смерти, то не было бы и героев, не было бы и мудрецов, не было бы будд. И потому смерть не только есть учитель, но она есть и благодетель.

Юный Субгути

Мальчики Судаты подрастали и стали заниматься землей, которую они унаследовали от дедушки. Помощь их дала возможность Судате больше пользоваться досугом, и он стал чаще удаляться на Обрыв, в уединенные леса, где продолжал жить Качеяна и просвещал себя занятиями и размышлениями. Хотя Судате было около сорока лет, он уже поседел, и его легко было счесть за старого человека, сохранившего для своего возраста необычайную силу и здоровье. На-

род в деревне звал его при всякой болезни в семье, и он охотно помогал им при всех затруднениях и советом и личной помощью.

В те дни случилось, что Бимбисара-царь умер, и на престол вступил сын его Аджаташатру, который разослал послов во все города и деревни своего царства и во все соседние страны, подчиненные ему, чтобы убедиться в верности своего народа. И посланные царя, окруженные свитой советников и сопровождаемые военным отрядом, прибыли также в Кударагару. Когда они вошли в Кударагару, на вопрос о начальнике деревни им сказали, что после смерти Маха-Субгути народ жил без начальника. Тогда посланные царя собрали народ и просили его избрать себе нового начальника, которого царь Аджаташатру утвердил бы на место Маха-Субгути. Видя, что Качеяна покинул мир для того, чтобы предаться религиозной жизни и что Судата казался слишком старым, обратились к старшему сыну Судаты, которого называли Субгути по имени дедушки, и избрали его начальником; когда народ увидел его во всей его юной прелести, все закричали:

– Пусть будет молодой Субгути нашим начальником, пусть король назначит его наследовать Маха-Субгути.

Некоторые старики в собрании были очень довольны новым начальником и говорили:

– Если бы Маха-Субгути мог появиться среди нас во всей красе и силе своей молодости, то он нисколько не отличался бы от этого благородного юноши. Маха-Субгути был совершенно такой же, как он, когда царь Бимбисара назначил его на должность.

Благословенный

Однажды странник проходил через Кударгару и, встретив Судату на улице, спросил его про дорогу в Раджагаю. Старик-брахман указал по направлению к столице страны и сказал:

– Я и сам с охотой пошел бы в Раджагаю, потому что там живет Благословенный Святой Будда, учитель богов и людей. Он тот учитель, учение которого я исповедую.

– Почему же тебе не присоединиться ко мне? – сказал странник. – Я Чандра-игрок.

Услышав о мудрости Благословенного Будды, я задумал идти в Раджагаю и пожать плоды познания, научившись от него.

Судата пошел проститься со своими друзьями, присоединился к Чандре-игроку на его пути в Раджагаю и, вспоминая о желании, высказанном когда-то его тестем, захватил с собою и пальмовый манускрипт Катха-упанишады.

Когда они шли вместе по дороге, Чандра и говорит:

– Глубока мудрость Совершенного. Он учит, что существование есть страдание, и моя жизнь подтверждает его учение. Безотрадность – вот истинное понятие о жизни. Мир подобен лотерее, в которой несколько выигрышных билетов на бесчисленное множество бланковых. Мы сразу можем видеть истину этого, если представим, что богатый человек закупит все возможные билеты, для того чтобы получить выигрышные. Он, наверно, разорится. И жизнь везде есть банкротство. Она похожа на такое предприятие, которое не окупает своих расходов.

– Друг мой, – сказал брахман, – я вижу,

что ты человек опытный. Прав ли я, если допущу, что некогда тебе очень легко жилось, пока ты не встретил другого игрока, более ловкого, который выиграл у тебя все, что ты имел.

– Правда, господин, – сказал Чандра, – именно так случилось со мною. И теперь я иду к Благословенному, который узнал великую истину, что жизнь подобна проигранной игре, в которой награда – это только приманка для легкомысленного. Когда я встречал человека, не знакомого с игрой, я постоянно всегда старался проиграть ему сначала, чтобы он стал играть рискованнее. Я тоже с успехом играл в игру моей жизни, но теперь я знаю, что те, кто выиграли сначала, теряют потом больше, чем те, которые испугаются при проигрыше в самом начале. Жизнь употребляет те же самые обманы, как и мы. Я попал в ту самую западню, которую, я думал, сам изобрел. И, обратившись к брахману, согбенному старостью и заботой, он продолжал: «Свидетельство твоей бороды и морщин на лице указывает, что ты также нашел сладость жизни горькой. Я думаю, что ты не ме-

нее безотрадно смотришь на жизнь».

Луч солнца заиграл в глазах брахмана, и осанка его сделалась прямой и величественной.

– Нет, друг мой, – отвечал он, – я не испытал того, что ты. Я испытал сладости жизни, когда я был молод много, много лет тому назад. Я бегал по полям с моими сверстниками, я любил и был любим, но я любил чистосердечно, и не было горечи в той сладости, которую я вкушал. Пробуждение мое началось тогда, когда я увидел страдание жизни. Мир полон страдания, и конец жизни есть смерть. И с тех пор я стал печален. Но когда я подумаю о Будде, который пришел в мир и учит нас, как избежать страдания, я радуюсь: я знаю теперь, что горесть жизни сладка для того, чья душа нашла покой в нирване.

И когда они пришли к Вигаре в Раджагае, то приблизились к Благословенному Будде со сложенными руками, говоря:

– Прими нас, о Господь, в число твоих учеников! Позволь нам быть слушателями твоего учения, позволь нам найти убежище в Будде, в истине, в общении с последователями

Будды.

И святой, который читает сокровенные мысли в умах людей, обратился к Чандре-игроку, спрашивая его:

– Знаешь ли ты, о Чандра, учение Благословенного?

Чандра сказал:

– Да! Благословенный учит, что жизнь есть страдание.

И Господь отвечал:

– Действительно, жизнь есть страдание, но Татхагата пришел в мир, чтобы указать путь к спасению. Цель его – научить людей, как избавиться от страдания. Если ты стремишься освободиться от зла, выступай на этот путь с решимостью, отрекись от самолюбия, займись работой над собою и с прилежанием трудись над своим спасением.

– Я пришел к Благословенному, чтобы найти мир, – сказал игрок, – а не для того, чтобы начать работать.

Но Благословенный сказал:

– Только неустанною работою можно найти мир. Смерть можно победить, только отказавшись от себя, и только ревностными уси-

лиями достигается вечное блаженство. Ты смотришь на мир, как на зло, потому что тот, кто обманывает, будет когда-нибудь разорен вследствие своих же обманов. Счастье, которого ты ищешь, это удовольствие греха без злых последствий греха. Люди, которые не шли по путям праведности и которые не приобрели сокровища в своей юности, лежат и вздыхают о своем прошлом. Действительно, в мире есть зло; но зло, на которое ты жалуешься, есть только справедливый закон кармы. Что человек посеял, то он и пожнет.

Тогда Благословенный обратился к брахману и сказал ему:

– Истинно, истинно, брахман, ты понимаешь учение Татхагаты лучше, чем твой товарищ по путешествию. Тот, у кого печаль других делается его собственной печалью, быстро понимает призрачность своего я. Он подобен цветку лотоса, который растет из воды, но вода не смачивает его лепестков. Мирские удовольствия не обольщают его, и у него не будет причины раскаиваться. Ты ходил по благородным путям праведности и будешь наслаждаться чистотою твоих трудов. Если

ты желаешь исцелить болезнь сердца так же, как, по твоим понятиям, можно исцелить болезнь тела, то пусть люди увидят плоды, которые вырастут из семян самоотверженности. Как только они узнают блаженство истинного направления ума, то вступят на путь и достигнут того состояния готовности и покоя, в котором будут находиться выше удовольствия и страдания, выше мелких влечений, мирских желаний, выше греха и искушения. Ступай же теперь назад к себе домой и возвести твоим друзьям, которые еще не вкусили страданий, что тот, чей ум освобождается от грешных желаний, преодолевает несчастья жизни. Распространи везде благость словами и делами. Будь готов служить другим на помощь, уча их в духе всемирной любви; живи счастливо между больными; между алчными оставайся свободным от алчности; между людьми ненавидящими живи свободным от ненависти, — и те, кто будут свидетелями твоей святой жизни, последуют за тобою по пути освобождения.

Глаза Чандры-игрока открылись, и мрачный безотрадный взгляд его на жизнь раста-

ял на солнце учения Будды.

– О Господи, – сказал он, – я не хочу идти к той высшей жизни, к которой ведет благородный путь добродетели. Не скажешь ли ты брахману, товарищу по моему путешествию, чтобы он взял меня к себе домой, где я охотно стал бы его слугою, чтобы познать от него, как можно получить блаженство.

Благословенный отвечал:

– Пусть Судата-брахман поступит так, как он найдет нужным.

Судата-брахман выразил готовность принять Чандру как товарища в своей работе и прибавил:

– Мудрый Ануруддха учил меня пути дхармы, который говорит: «Пусть злые дела будут покрыты добрыми; тот, кто был безрассуден и делается разумным, засветит миру, подобно луне, когда она появится из облаков».

Благословенный сказал:

– Подобно тому как Великий океан имеет только один вкус – вкус соли, так же и учение Татхагаты имеет только одно значение – значение спасения. И это будет знаком, что вы достигли предела спасения, которое есть

славная *нирвана*: не будет ничего, что было бы в состоянии нарушить покой вашей души, которая, несмотря на все мирские беспокойства, будет спокойна, как гладкое озеро. Ваше сострадание будет простираться на всякое существо, которое страдает, и вы не устанете в своей доброте. Всякая привязанность к своему я в вас умерла; она сделалась подобна сухой ветке, которая не приносит больше плодов. Но душа ваша распространяется и поднимается к более благородной жизни; ваше сердце бьется с особенной силой, ибо оно воодушевлено мыслями о Будде; ваш ум яснее, ибо он понимает теперь и длину, и ширину, и глубину существования, познав единственную цель, к которой должна стремиться жизнь, для того чтобы найти мир.

**Филдинг-Холл. Душа одного
народа
(главы из книги, в которой
английский офицер
рассказывает о его жизни
в Бирме)**

Тот, кто нашел свет

*Тот, кто указал путь потеряв-
шим его.*

Жизнь Будды

История жизни принца Тиддарты[4], кото-
рый увидел свет и сделался 25 столетий
тому назад Буддой, рассказана уже много раз.
Рассказана она по переводам из Пали с бир-
манского и китайского, и теперь каждый мо-
жет прочесть ее. Писавшие эти книги, без со-
мнения, были люди больших дарований,
неутомимой энергии в поисках за всем тем,
что могло быть известно об этой жизни, – од-
ним словом, обладавшие всем тем, на что я

не могу претендовать. Так что теперь нет ничего нового, что можно было бы узнать об этих прошлых временах, ничего свежего, что я мог бы рассказать, никакого открытия, какое я мог бы сделать. И однако, обдумывая все то, что я имею рассказать о религии бирманцев, я нашел, что я должен снова кое-что пересказать о жизни Будды, снова поведать эту десятки раз передуманную историю. Причины этому следующие. Хотя я и не знаю ничего того, чего не знали бы прежние писатели, хотя я и не могу предпринять ничего подобного тому труду, какой был сделан ими, однако и я имею сказать кое-что такое, что не было сказано ими. Ибо они писали о Будде все, что узнавали из книг; я же хочу писать о нем то, что узнал от людей. Их знание было почерпнуто из прошлых неживых преданий, тогда как мое знание есть действительность живого, настоящего.

Я не хочу этим сказать, что Будда священных книг и Будда бирманских верований две различные личности. Они те же самые. Но то самое, что я нашел в их вере, нахожу я и в жизни их учителя. Бирманцы смотрят

на жизнь Будды совершенно с другой точки зрения, чем внешний наблюдатель, так что Будда для них имеет совершенно другое значение, совершенно другой смысл, чем для тех, которые изучают их историю.

Для писателя, который изучает жизнь Будды с исключительной целью узнать, какова была эта жизнь, критиковать ее, все в ней отлично от того, чем она представляется буддисту, который изучает эту жизнь потому, что любит ее, восхищается и желает следовать ей. Первым исследователем каждая мелочь, каждая частица жизни Будды, каждое слово его учения, каждый поступок его служителей взвешивается, сравнивается и рассматривается. Легенда сравнивается с легендой, традиция с традицией, чтобы на основании разных авторитетов выяснить некоторые действительные события. Но для буддиста важными частями в жизни великого учителя представляются те его поступки, те его слова, которые обращены непосредственно к нему, то, что освещено светом его собственной жизни и чувств, – одним словом, то, что помогает ему жить в его собственной жизни. Его Будда

есть тот Будда, каким он сам его понимает, или тот Будда, который понимал и сочувствовал всем таким, как он. Все другое, кроме этого, может быть также истинно, но для него оно не представляет значения.

Услышать о Будде из живых уст этой страны – страны, которая полна его величием, где чуть ли не в каждой деревне находится монастырь в его честь, где каждый человек был в то или другое время монахом, все это совершенно отлично от того, когда читаешь о нем в других странах, под другим небом, с другими мыслями. Сидеть на пыльной земле монастырского сада, на той самой тропической пыли, на которой он сидел и думал много столетий тому назад, слушать рассказ монаха в желтой одежде о его жизни, повторение его учения любви, милосердия и сострадания, учения вечной любви, совершенного милосердия, бесконечного сострадания, слушать это, пока звезды не появятся на пурпурном небе и серебристые звуки гонгов не возвестят вечерней молитвы, – все это такие вещи, которые никогда нельзя забыть. (...)

Вокруг жизни Будды скопилось много ми-

фов, как пыли на древних статуях, как тени от отдаленных гор, и все это значительно скрывает красоту ее. Существует масса рассказов и легенд, в которых выражаются предсказания о его пришествии: как солнце и звезды знали и как мудрые люди пророчествовали. Рождение его сопровождалось различными чудесами; чудеса же сопровождали жизнь и смерть его. Появление чудесного еще более возвеличивалось историками, рассказывавшими нам об его великой душевной борьбе.

Все мысли учителя, вся его борьба, все это материализовалось в формы для того, чтобы легче было завладеть читателем, для того чтобы это могло быть легче представлено примитивным народам как указание на их собственную душевную борьбу.

И потому на первый взгляд кажется, что из всех верований нет ни одного, полного таких чудес, так преисполненного сверхъестественности, как буддизм; на самом деле это противоречит истине, ибо буддизм ничего общего не имеет с сверхъестественностью. В сущности своей он исключает все то,

что выходит за пределы видимого и наблюдаемого посредством земных законов, и никогда в нем не пользовались чудом для доказательства истины какой-либо догмы или какого-нибудь учения.

Если бы исключить из круга этой веры все сверхъестественное, то для последователей его буддизм остался точно бы таким же, как он есть. Ни на одну йоту не пострадала бы авторитетность его учения. Великая фигура учителя еще более выиграла бы, если соскоблить с нее все чудесное, и выиграла бы не только в наших глазах, но даже и в глазах тех, кто верит в него, ибо Будда не был пророк. Он не был посланником какой-нибудь вне этого мира находящейся силы, открывающим законы этой силы. Никто не приходил к нему, чтобы прошептать ему тайны вечности или показать ему, где обитает истина. Он не впадал в транс, не видел видений в присутствии неизвестного и не возвращался оттуда, полный мудрости иного мира. Точно также никогда он не учил поклонению какому-нибудь Богу или какой-нибудь силе. Он не дышал угрозами отмщения за непови-

новение; никогда не говорил о забвении грехов раскаивающихся. Он никогда не грозил вечным адом тем, кто отказывался следовать за ним, и никогда не сулил легко добываемого рая верующим в него.

Он просто пришел искать мудрости, как многие это делали, ища законов Бога с ясными глазами, с чистым сердцем, готовым к пониманию; после многих тревог, после многих ошибок, после многих страданий он наконец пришел к истине. Так же как Ньютон искал законы Бога в движении звезд, в падении камня, в движении свода небес, так же и этот Ньютон духовного мира искал смысла жизни и смерти, глубоко проникая в сердце человека, замечая душой своей, звучащей в унисон всему живущему в мире, труды его, страдания и радости. И так же как для Ньютона истина не являлась внезапно, не открывалась ему по первому его зову, но для нахождения ее нужно было трудиться и мучиться, пока он не достигал сути того, где она скрыта, так же точно было и с этим светочем мира. Он не был рожден вместе с знанием; ему нужно было искать его,

как и всякий другой человек это делает. Он терял время и труд, следуя ложным путям и выясняя для себя глупость многих мыслей. Но никогда не приходил в отчаяние. Он искал до тех пор, пока не находил; и то, что он нашел, он передал как наследство всем людям всегда для того, чтобы путь этот мог бы быть легче для них, чем он был для него... Ничего не может быть неправильнее, как называть Будду философом, а буддизм философией. Хотя он не знал ни о каком боге, хотя он претендовал только на то, чтобы его слушали постольку, поскольку учение его было ясно и понятно, что вы не обязаны были верить в него, а только открыть ваши глаза и видеть, и вы были бы восхищены при созерцании незатемненной истины, — он был далеко не философ.

Он не взывал к нашему рассудку или к нашей способности слагать два и два и делать из них пять: учение его не было какою-нибудь канвою, на которой нанизаны были разные слова, противоречившие его мысли. Он взывал к сердцу нашему, а не к уму, к чувствам нашим, а не к той силе нашей, которая

может руководить этим чувством. Он привлекал людей к себе любовью и уважением и удерживал их навсегда. Любовь, милосердие, сострадание, бесконечное сострадание – вот основы его учения; и последователи его верят в него как потому, что они видели в нем, как человек сделался совершенным, так и потому, что он показал им путь, по которому все люди могут сделаться такими же, как он.

Голама был князем в небольшом королевстве на северо-востоке Индии, сыном короля Тудуданы[5] и жены его Майи... Нам рассказывают, что он был силен и прекрасен, что он прославился в атлетических упражнениях и отец его мечтал о том времени, когда сын его вырастет и возмужает и поведет войска. Гордость отца его была в том, чтобы сын сделался великим завоевателем, повел войска свои против соседних королей, победил их и в свое время приобрел себе огромную империю. В те дни Индия была, как и в последние времена, разбита на небольшие королевства, которые не разделялись между собою естественными границами и которыми владели

слабые государи, постоянно бывшие в войне. И король, как и все отцы, был полон мечты, что сын его покорит себе всю Индию и будет славой своей династии и основателем великого государства. Все, казалось, совпадало с желанием короля: принц делался живее и сильнее, чрезвычайно ловким и мудрым в совете, так что весь народ гордился им. Все совпадало с желанием короля, за исключением желаний самого принца, так как вместо того чтобы стремиться к сражениям, к завоеваниям других стран, вместо того чтобы быть великим полководцем, желания его были далеки от этого. Будучи еще мальчиком, он был склонен к размышлениям, интересовался религиозными обрядами, и когда он подрастал, то все более и более утверждался в своем интересе к священным книгам, более и более старался постигнуть тайну жизни.

Он был воспитан в тогдашней вере – вере столь старой, что мы не знаем, откуда она произошла. Он знал только веру в бессмертную жизнь, – в жизнь, которая не может исчезнуть. Он был научен, что жизнь существует одна – общая, что нет особой жизни в жи-

ВОТНЫХ и жизни в людях, что вся жизнь – это есть единая славная, великая сущность, исходящая от Неизвестного. Человек не есть нечто отдельное от этого мира, а есть частица его, и как тело человеческое есть лишь очищенное и улучшенное тело животного, так же и душа человеческая есть только высшая ступень души животных. Жизнь есть великая лестница: внизу ее низшие формы животных, немного выше человек, но все живущее стремится всегда вверх и, увы, иногда падает назад. Для каждого человека существование является великой борьбой, отмеченной многими смертями, и каждая смерть кончает один период для того, чтобы дать начало другому, и дает нам новую возможность трудиться и достигать небес.

Его учили тому, что лестница эта очень высока, вершина ее очень далеко над нами, вне поля нашего зрения, совершенствование и счастье лежит там наверху, и мы должны стремиться достигать их. Величайший человек, даже величайший король, был настолько далек от совершенства, насколько животное далеко от человека. Мы очень близки к жи-

вотным и очень, очень далеки от небес. Его учили помнить, что даже и он, великий принц, был только слабая, заблуждающаяся душа, и если он не будет жить хорошо, не совершит хороших поступков и не будет праведным человеком, то вместо того чтобы подняться, он может упасть по этой лестнице. Учение это говорило гораздо больше, чем все понукания его отца и придворных к тому, чтобы он стал великим завоевателем. Оно входило в самую его душу, и постоянной мыслью его было, как сделаться лучшим человеком, как воспользоваться своею жизнью так, чтобы приобрести, а не потерять ее, и где найти счастье.

Вся пышность и слава дворца, вся роскошь и наслаждения имели для него мало значения. Даже в своей ранней юности он находил в этом мало удовольствия. Он больше прислушивался к тем, кто говорил о святости, чем к тем, кто говорил о войне. Нам передают, что еще в юности он желал сделаться пустынным монахом, сбросить с себя свою знатность и положение, одеться в желтую одежду монаха и выпрашивать свой хлеб, блуждая по ми-

ру в поисках покоя.

Такая склонность принца очень печалила родителей. Им казалось ужасным, чтобы их сын, который так много обещал, был так мужествен и силен, так мудр и так любим всеми, – сделался бы нищим монахом, в грязном платье ходящим из дома в дом и выпрашивающим себе дневное пропитание. Родители не допускали мысли о том, чтобы принц мог так себя унизить. Нужно было употребить все усилия, чтобы выбить из него эти идеи. Быть может, это были только юношеские мечтания, и они пройдут. Были отданы строжайшие приказания с целью отклонить его ум от этих мыслей и попытаться постоянными удовольствиями и роскошью привлечь его к мирскому. Когда ему было 18 лет, его женили на двоюродной сестре Ятодайе[6], в надежде, что, женись, он позабудет желание сделаться пустынником и вкусит от той любви, которая многим представляется лучше мудрости. И кто знает, если бы Ятодайя была другая, а не такая, какая она была, – быть может, в конце концов король и успел бы в своих намерениях. Но случилось не так. Для Ятодайи

жизнь представлялась также чем-то высоким, что нельзя отбросить со смехом и легкостью, а чем надо было воспользоваться как великим даром, с величайшей заботой. Принцу в его тревогах явилась родственная душа, и хотя из дворца были изгнаны учителя религий, все, кто мог повлиять на принца не согласно с желаниями его отца, но Ятодайя сделала для него больше, чем все те, кого он потерял.

В течение 10 лет жили они вместе такую жизнью, какую вели все принцы в те дни на Востоке и которая, вероятно, не очень отличалась от той, какую ведут они в настоящее время.

Все это время принц постепенно рос умом, медленно уверяясь в том, что жизнь содержала нечто лучшее, чем то, что он нашел, укрепляя свою решимость, что он должен покинуть все, что он имел, и уйти в мир искать покоя. Вопреки всем усилиям короля, его отца, несмотря на стражу и его молодых со товарищей, несмотря на прелесть танцовщиц, он проникал в тайну жизни и приходил в ужас. Существует прекрасная история о том,

как он узнал о болезни и смерти и как он был поражен ужасом среди прелестей своей жизни. Он узнал и понял, что и он также сделается старым и также заболит и может умереть. А что же там, после смерти? Там был ужас, и никто не мог отвратить его. С каждым днем он становился все более и более недовольным своею жизнью во дворце, все более и более противными становились ему окружающие удовольствия. Глубже и глубже видел он сквозь улыбающуюся поверхность ту глубину, которая лежала под нею. Молча созревали мысли эти в уме, пока, наконец, не явилась перемена. Мы узнаем, что конец явился неожиданно и решение принято мгновенно. Озеро наполняется и наполняется, пока, наконец, не переполнится, и вдруг ночью прорвет плотины, и вырвавшаяся вода устремится в море. Когда принц возвращался с последней поездки по своим садам с твердо установившимся решением в своем сердце, ему известили, что жена его родила ему сына. Жена и дитя – чаша желаний, казалось бы, теперь была полна. Но решение его было непоколебимо. «Новая связь! Новая и более сильная

связь, которую я должен порвать», – сказал он. И он не поколебался.

В эту ночь принц покинул дворец. Глубокою ночью молчаливо покинул он всю окружающую его роскошь и тайно ушел со своим верным слугою Монгсангом, оседлавшим и приведшим ему лошадь, и только перед тем, как оставить дворец, он взглянул с состраданием на Ятодайю, молодую жену и мать. Она спала и одну руку положила на новорожденного. Принцу стало страшно уйти. «Чтобы увидеть его, я должен отстранить руку матери, но она может проснуться, а если она проснется, как я уйду? Так лучше я уйду, не видя моего сына. Когда-нибудь, когда страсти ослабеют в моем сердце, когда я буду уверен в себе, быть может, тогда я буду в состоянии видеть его, теперь же я должен уйти».

Итак, он ушел, молчаливо и печально погладил свою лошадь, большую белую лошадь, чтобы она не ржала и не разбудила спящих караульных. Затем принц и его верный благородный Монгсанг ускакали в темный лес. Принцу было только 28 лет, когда он покинул

этот мир, и то, что он искал, было следующее: «Освободить людей от несчастья жизни, узнать истину, которая приведет их к великому покою». (...)

*Тот, кто никогда не говорил ничего, кроме
добрых и мудрых слов, тот,
кто был светом
мира, нашел скоро покой.*

Плач по случаю смерти Будды

Принц ехал глубокою ночью, и по мере того как он ехал, искушение овладевало им. По мере того как кончалась ночь, он вспоминал о том, что покидал: он вспоминал своего отца и мать, и сердце его было полно женой и ребенком.

«Вернись, – говорил ему дьявол, – чего ты здесь ищешь? Вернись и будь добрым сыном, добрым мужем, добрым отцом. Помни то, что ты покидаешь в поисках за тщетным. Ты великий человек, ты мог бы быть великим королем, как этого желает твой отец, великим завоевателем народов. Ночь очень темна, а мир перед тобою так ничтожен» (...)

И сердце принца было полно горечи при мысли о тех, кого он любил, кого он терял. И все-таки он не вернулся. Он даже не обернулся, чтобы бросить последний взгляд на огромный белый город, остающийся, как золотая мечта, позади его. Он устремил взгляд свой на дорогу, оставил за собою мирские размышления, презирая то, что было только тщетой и пустотой, и шел во мрак (...)

...Он стал сомневаться: хорошо ли он поступил, найдет ли он где-нибудь свет, да и есть ли вообще свет, которого он ищет? И в своем сомнении и печали он стал просить какого-нибудь знака. Он желал, чтобы ему было показано, будут ли тщетны или нет его стремления, победит ли он или нет в той борьбе, которая ему предстояла. Рассказывают, что знак этот явился; он узнал, что бы ни случилось, в конце концов будет хорошо и он найдет то, что искал. Он перешел реку и очутился в чужой стране, надел платье отшельника и жил так, как они живут. Он снискивал себе пропитание, как делали они, ходя из дома в дом с разбитою чашей, удаляясь

в спокойное место, чтобы съесть то, что было собрано.

В первое время, когда он собирал эту странную пищу и пробовал ее есть, вся душа его отвращалась от этой еды. Он, принц, привыкший ко всему лучшему, не мог сначала принудить себя есть это, и борьба была жестокой. Но и здесь в конце концов он победил. «Разве я не знал, – сказал он с горьким негодованием на свою слабость, – что, сделавшись пустынным, я должен есть такую пищу. Настало время пользоваться тем чувством голода, который дает нам природа». Он взял чашу, съел содержимое ее с большим аппетитом, – и борьба не возобновлялась больше.

Так он сделался, по обычаю того времени, искателем истины. В то время люди, если они желали достигнуть святости, отыскать то, что лучше мирского, начинали свои поиски отказом от всего того, что мир считает хорошим. Мирские люди носили богатые прекрасные платья, а пустынные носили лохмотья; мирские люди заботились о своей внешности, а они презирали это; мирские люди были

и приличны и вежливы, соблюдали разные условности, а потому пустынные не придавали всему этому никакого значения. Мир был зло и, разумеется, все то, что мир считал хорошим, было также зло. Мудрости надо было искать в совершенно противоположном всем тем условностям, которые созданы людьми.

Принц надел платье пустынников и отправился к ним узнать все то, что они знали. Он отправился ко всем самым мудрым пустынным в этой стране, ко всем славящимся мудростью и святостью, и вот чему они учили его, вот тот свет, который они дали ему и который был для них светом.

«Есть, – говорили они, – душа и тело у человека, и они враги между собою. И для того чтобы возвысить душу, ты должен разрушить и унижить свое тело. Все, что тело считает хорошим, есть зло для души». Таким образом, они очищали свои души обрядами и формальностями, мучениями и голодом, наготою и презрением всяких приличий и бесчисленными мерзостями.

И молодой принц, изучив их учение, пы-

тался следовать их примеру и нашел, что это бесполезно. Тут он не мог найти пути к счастью и возможности для души подняться выше, а, скорее, нашел низведение ее к животным. Ибо самобичевание – это еще большее подчинение плоти, чем роскошь и забвение. Как можете вы забыть тело и обратить душу к лучшим мыслям, если вы постоянно мучите это тело и постоянно помните о нем? Ваши соблазны будут теми же соблазнами, будете ли вы бороться с ними бесполезными самоистязаниями или же предаваясь им. И как можете вы обратить ваш ум к размышлениям, если вы постоянно заняты страданиями своего тела? Таким образом, принц скоро увидел, что тут нет того пути, которого он жаждал. Душа его возмутилась против такой суровости, и он покинул их.

И точно такой же пустотой представлялась ему жизнь учителей и отшельников, какою была и у его советников при дворце. Если могущественные и богатые были невежды и мудрость не могла быть найдена между бедными и слабыми, то он был также далек от нее, как тогда, когда он покидал дворец.

Однако он не отчаивался. Он был уверен, что истина где-нибудь да есть; она должна быть найдена, если только искать ее с терпением и искренностью.

И так как он не мог найти никого, кто бы научил его, то он отправился в лес искать истины там. В огромных лесах, куда никто не приходит, где кормится олень и прячется тигр, он ищет то, чего не могли дать ему люди. Они, эти великие деревья, которые видели тысячи дождей и пережили тридцать поколений людей, они должны это знать; они, эти потоки, которые стекаются со снежных вершин, они должны это знать. Очевидно, в этом лесу и этих горах, рассвете и ночи есть нечто, что скажет ему о тайнах мира. Природа никогда не может лгать; и здесь, вдали от людей, он познает то знание, которого люди не могли ему дать. С телом, очищенном воздержанием, с сердцем, освеженным уединением, он будет прислушиваться к разговору ветра с горами и поймет лепет звезд.

И он сделал то же, что сделали многие до него и после него: он покинул людей и отправился к природе за помощью. Шесть лет

прожил он так в лесах и горах. Об этих шести годах мало рассказывается. Говорится только, что он был очень одинок и часто очень печален при воспоминании обо всем том, что он покинул. «Не думай, – говорил он много лет спустя своему любимому ученику, – не думай, что я, хотя и Будда, не чувствовал всего этого так, как каждый из вас. Разве я не был один, когда я искал мудрости в пустыне? Мог ли я получить какую-нибудь пользу от моего уединения? И разве была бы от этого какая-нибудь помощь тем, кого я покинул?»

Говорят, что слава его как пустынника, как человека, общавшегося с природой и подчинившего себе свои низшие чувства, была так велика, что все люди знали о ней. Слава его была подобна «колоколу, звучащему под сводами небес», который слышали все народы, и многие ученики пришли к нему. Но, несмотря на всю его славу среди людей, сам он знал, что не пришел еще к истине. Даже и великая душа природы не могла, рассказать ему то, чего он желал. Он думал, что истина была так же далека, как и всегда, и тех, кто приходил к нему за мудростью, ему нече-

му было учить. И вот в конце шести лет, отчаявшись найти то, чего он искал, он решил, что для достижения истины необходим великий пост, и предался ему с такой строгостью, что в конце концов ослабел от истощения и голода.

Когда он одумался, он понял, что снова ничего не достиг. Свет не явился его помраченным очам. И в этом истощенном состоянии не явилось ему откровение. Все было так же, как и раньше, а истина... где же была эта истина?

Вы видите, что он вовсе не был вдохновенным учителем. У него не было никого, кто указал бы ему дорогу, по которой идти. Он испытывал неудачу за неудачей. Он познавал все через страдание и ошибки, как и все другие люди познают. Это была его третья неудача. У богатых он потерпел неудачу и у бедных также. Голоса гор не рассказали ему о том, что он хотел знать, и радужные лучи рассвета не наметили ему пути к счастью. Жизнь была так же несчастна, так же пуста, так же бессмысленна, как и прежде.

Все, что он совершил, было понапрасну,

и он должен был снова трудиться, снова отыскивать новый путь, если только можно было найти такой, как он искал.

Он поднялся с того места, где лежал, взял свою чашку и пошел в соседнюю деревню, с жадностью поел и выпил; и снова явились к нему его сила и та красота, которую он потерял.

Но тогда на него обрушился окончательный удар: ученики покинули его с презрением. «Вот, – говорили они друг другу, – жил он в течение шести лет, страдая и изнывая понапрасну. А поглядите, теперь он снова пошел в мир и ест пищу. Разумеется, тот, кто поступает так, никогда не достигнет мудрости. Не мудрости ищет наш учитель, а мирских вещей. Мы должны поискать в другом месте руководителя».

Они ушли, оставив его одного переносить свое разочарование; они ушли далеко в пустыню продолжать свой собственный путь и поиски за истиной по своему собственному способу.

А тот, кто должен был быть Буддой, снова терпел неудачу и снова остался один. Разве

не может это служить в пользу последователям Будды, тем из наших братьев, которые пытаются следовать его учению и подражать его примеру?

Среди всех неудач и отчаяния нашей собственной жизни надо помнить, что и учитель терпел неудачи так же, как и мы. Если мы находим, что путь наш темен и труден, если мы скользим по лестнице, если мы блуждаем по ложным тропинкам, разве и у него не было того же самого. Если мы найдем, что мы должны переносить наши страдания в одиночестве, то и у него это было. Если мы не находим никого, кто мог бы нас утешить, то и у него так было...

Ученики покинули его, и он остался один. Он ушел оттуда к большой роще, к одной из тех чудных рощ из манго, пальм и фиговых деревьев, которые всегда возбуждают восторг в этой земле яркого солнца, и там он заснул у подножия большого фигового дерева, пораженный, покинутый, потерявший доверие; и тут явилась ему истина.

Там явилась ему, наконец, истина, но явилась из его собственного сердца. Он искал ее

в людях, в природе и не нашел ее, и вот она нашлась в его собственном сердце.

Когда взор его был чист от воображения, когда тело его было очищено воздержанием, он увидел в глубине своей души то, чего искал по всему миру. Каждый человек носит это в себе. Что никогда не умирает. Это живет вместе с нашей жизнью, – живет тот свет, которого мы ищем. Мы затемняем его, мы отворачиваем наше лицо от него, для того чтобы следовать какому-то странному свету, для того чтобы гоняться за какими-то огоньками в темноте, а все это время в каждом человеке светит свет его души. Его можно затемнить, его можно засыпать нашим невежеством и грехом, но он никогда не умирает, а постоянно ярко горит для нас, когда только мы пожелаем искать его.

Истина для каждого человека заключена в его собственной душе. Итак, она явилась, наконец, и он – тот, кто увидел свет, пошел и проповедал это всему миру. Он прожил долгую жизнь, полную удивительного учения и представившую еще более удивительный пример. И весь мир полюбил его.

...Он умер в глубокой старости, утомленный годами и преисполненный любви. Рассказ о его смерти один из самых прекрасных. Пожалуй, нет ничего более удивительного, как то, как в конце этой долгой доброй жизни он наконец перешел в мирный покой, к которому все время готовил свою душу.

«Ананда, – говорил он своему рыдающему ученику, – не заботьтесь много о том, что останется от меня, когда я отойду в Мир, а лучше постарайтесь жить той жизнью, которая ведет к совершенству. Отдайтесь тому внутреннему влечению, которое сделает вас способными достигнуть вечного покоя».

И потом продолжал: «Когда я покину жизнь и когда я больше не буду видим вами, не думайте, что я не живу больше с вами. Вы имеете у себя те законы, которые я открыл; вы имеете у себя мое учение, и через него я буду всегда с вами. Не думайте поэтому, что я покинул вас одних навсегда».

И прежде чем он умер, он сказал: «Помните, что жизнь и смерть одно и то же. Никогда не забывайте этого. Для этого только я и собрал вас вместе, ибо жизнь и смерть од-

но и то же. Итак, великий и славный учитель, тот, который говорил только добрые и мудрые слова, тот, который был светом миру, вошел в покой.

Путь к великому покою

Прийдите ко мне. Я проповедую учение, которое ведет к освобождению от всех несчастий жизни.

Изречение Будды

Чтобы понять учение Будды, нужно помнить, что для буддиста, так же как и для брахмана, душа человеческая вечна. В других верах и в других философиях – это не так; в буддизме же душа бессмертна. Она не может умереть, и душа каждого человека не является новою, а возрожденною при его рождении.

Для буддиста как начало жизни, так и конец скрыты из нашего кругозора. Мы не знаем, откуда мы пришли, но, конечно, та душа, которая является в каждом новорожденном, не есть нечто новое. Она явилась из вечности, и теперешняя жизнь это только одна из сцен

в бесконечной драме существования. Тело каждого человека – это только сосуд, в котором заключена душа на время. И состояние этой души, перевешивает ли в ней доброе или злое, исключительно зависит от мыслей и действий человека в прошлые времена.

Люди не рождаются случайно мудрыми или глупыми, праведными или грешными, сильными или слабыми. Положение человека в жизни есть безусловный результат вечного закона, что он посеет, то он пожнет, он пожинает то самое, что некогда посеял.

И потому, если вы видите у человека склонность ко злу, то это потому, что в прежней жизни он воспитал себя во зле. Если он праведен и милосерд, долготерпелив и полон сострадания, то это потому, что в прежнем существовании он развил в себе эти добродетели; он следовал добру, и это сделалось привычкой его души.

Человек не сделан совершенным сразу, но требуется время, для того чтобы вырасти ему, как и для всякой ценной вещи. Точно так же, как вы не ждете, что в вашем саду вырастет за одну ночь дуб, так же и человек

не может сделаться праведным в один день. И следовательно, человек есть не только сумма его страстей, его поступков и его мыслей в прошлые времена, но он в своей повседневной жизни решает свое будущее, каким человеком он должен быть. Каждый поступок, каждая мысль имеет свое действие не только на внешний мир, но и на внутренний – на душу. Если вы следуете злу, то с течением времени это делается привычкой вашей души; если вы следуете добру, то каждый добрый поступок есть чудное прикосновение к вашей собственной душе. Человек есть то, что он сделал сам с собою; и человек будет тем, чем он делает себя. Это, конечно, очень простая теория, и не может быть никакого затруднения понять в этом отношении точку зрения буддиста. Это просто теория эволюции, приложенная к душе, с той разницей, что здесь говорится про свободную и сознательную эволюцию, а не бессознательную (...)

Общее место многих религий, многих философий, подлинное основание, на котором они построены, состоит в том, что мир есть зло. Магометанство только учит, что мир дей-

ствительно хорошее место и что поступать хорошо стоит для того, чтобы наслаждаться; но большинство других вер думает очень различно. Действительно, самый смысл большинства религий и философий был тот, что эти религии должны быть убежищем от зла и несчастий мира. Мир есть скучное место, полное зла и обмана, войны и борьбы, неправды и ненависти и всякого рода зла. Мир полон зла, и человек несчастен в нем. Я не знаю, была ли предложена какая-нибудь теория, чтобы объяснить, почему это так. Принято как факт, что человек несчастен, это принято, кажется, всеми верами в мире. Действительно, думают, что это верование и есть корень даже самых вер. Если бы мир был счастлив, то, конечно, не было бы нужды в религии. Нужна ли разве гавань, когда вы едете летом по морю? Итак, что человек несчастен – общепринятый факт и принятый, как я сказал, без всякого объяснения. Но буддист не довольствуется этим. Он думает, что в правильном объяснении этого основного факта лежит вся истина.

Жизнь страдает болезнью, называемую

несчастьем. Он, человек, хочет быть свободным от этого. Так давайте же тогда, говорят буддисты, узнаем сначала причину этого несчастья, и только таким образом мы можем понять, как избавиться от него человека.

Причина, говорит буддизм, почему все люди несчастны, заключается в том, что они живут. Жизнь и печаль неразделимы. Более того, они представляют одно и то же. Голый факт того, что вы существуете, есть несчастье. Если вы только очистите свой взор и различите истину, то вы, без сомнения, увидите это, говорит буддист. В самом деле, если бы человек сел и сказал: «Вот я теперь в полном счастье, и как я теперь существую, я хотел бы существовать всегда». Но ни один человек так не поступил бы. Если люди и желают чего, так это перемены. Они устают от настоящего и желают будущего. А когда приходит будущее, они находят его не лучше, чем прошлое. Счастье лежит во вчерашнем дне и в будущем, а никогда в настоящем. В юности мы смотрим вперед, а в старости смотрим назад. Что такое перемена, как не смерть настоящего. Жизнь есть изменение, и изменение есть

смерть, – так говорит буддист. Люди содрогаются и боятся смерти, в то же время смерть и жизнь это одно и то же, неотделимое, неразделимое с печалью. Мы люди, которые желаем жизни, подобны людям, жаждущим и пьющим из моря; каждая капля, которую мы пьем из отравленного моря существования, развивает, разумеется, в людях еще большую жажду. А мы продолжаем слепо пить и говорить, что мы жаждем.

Вот каково объяснение буддизма. Мир несчастен потому, что он живет, потому что он не видит, что то, за что он должен бороться, – не жизнь, то есть перемена, недовольство, суета и смерть, а покой, великий покой. Вот в чем та жизнь, к которой должен стремиться человек.

Поглядите теперь, как это разнится с христианской теорией. В христианстве две жизни: настоящая и будущая. Настоящая жизнь есть зло, потому что она находится под властью дьявола – мира плоти и дьявола; будущая жизнь прекрасна, потому что она во власти Бога и дьявол не может туда забраться.

Но буддизм признает только одну жизнь:

существование, которое изошло из вечности и которое может продолжаться навсегда. Если эта жизнь есть зло, то и всякая жизнь есть зло, и счастье может обитать только в покое, в преодолении всех тревог этого скучного мира. И если, следовательно, человек желает счастья, – а во всех верованиях это и есть желаемая цель, – то он должен бороться, чтобы достигнуть покоя. Эта идея не представляет затруднений для понимания. Она представляется мне такою простою, что когда ее раз выслушаешь, то она может быть понятна даже ребенку. Я не говорю, чтобы ей тотчас же поверили и последовали, но она может быть понята. Вера это совсем другое дело. «Закон глубок, трудно узнать и поверить в него. Он очень высок и может быть понят только посредством глубокого размышления». Ибо буддизм представляет из себя религию не для детей, а для людей. Это учение заставило называть буддизм пессимизмом. Но наученные, как мы, верить, что жизнь и смерть в антагонизме, что жизнь в грядущем мире прекрасна, что смерть это ужас, – нам кажется ужасным подумать, что надо вырвать

в корне эту нашу жизнь, которая содержит зло, и что жизнь и смерть одно и то же.

Но для тех, которые увидели истину и поверили в нее, это не ужасно, а прекрасно. Когда вы очистили ваш взор от лжи тела и явились лицом к лицу с истиной, то она прекрасна. «Закон прекрасен, он наполняет сердце радостью».

Таким образом, для буддиста целью, к которой он стремится, является великий покой, величайшее освобождение от всякой печали. Он должен домогаться покоя, и от его собственного усилия зависят успех или неудача.

Когда определены цель и действующие в нас силы, тогда остается только открыть средство, путь, по которому можно достигнуть этой цели.

Как человек должен думать и поступать, чтобы наконец достигнуть этого великого покоя? И ответ буддизма на этот вопрос следующий: добрые дела и добрые мысли – это единственные врата, через которые вы можете вступить на этот путь. Будьте честны и справедливы, будьте любовны и сострадательны, любите истину и отвращаетесь от неправды –

это начало пути, который ведет к счастью. Делайте добро другим не для того, чтобы они были добры к вам, а потому, что, поступая так, вы делаете добро вашей собственной душе. Давайте милостыню, будьте милосердны, ибо это необходимо для человека. А превыше всего научитесь любить и сострадать. Старайтесь чувствовать, как другие чувствуют, старайтесь понять их, старайтесь сочувствовать им, и любовь придет. Воистину тот был буддистом в сердце своем, кто написал: «Все понять – это значит простить». Нет другого целебного средства для человеческого сердца, подобно любви, и не только та любовь, которую к нему чувствуют другие, но и та, которую он чувствует к другим: любить все – не только людей, но весь мир, всякое существо, которое ходит по земле, птиц в воздухе, насекомых в траве. Вся жизнь родственна человеку. Жизнь человека не есть нечто отдельное от прочей жизни, она есть часть ее, и если человек захочет сделать сердце совершенным, он должен учиться сочувствовать всему и понимать весь великий мир, который окружает его. Но он должен постоянно помнить,

что он сам является первым. Для того чтобы сделать других справедливыми, вы должны сделать себя справедливым; чтобы сделать других счастливыми, вы должны чувствовать сначала себя счастливым; чтобы вас полюбили, сначала вы должны полюбить. Подумайте о вашей душе, чтобы сделать ее любящей.

Таково учение Будды. Но если бы это было все, тогда буддизм представлял бы повторение только общих мест всех религий, все философий. В этом учении о праведности нет ничего нового. Многие учителя учили тому же, и все поняли наконец, что праведность не есть верная дорога к счастью, покою. Буддизм идет дальше этого. Честь и праведность, истина и любовь, говорит он, прекрасные вещи, но они только начало пути, они только врата в него. Сами по себе они не приведут человека к великому покою. В них не лежит спасение от мук мира. Для того чтобы человеку быть праведным, необходимо гораздо больше. Одна святость не есть врата к счастью, и все, кто пробовали это, нашли это. Одно это не дает человеку возможности преодолеть страдания. Когда человек

очистит свое сердце любовью, освободит себя от зла добрыми делами и мыслями, тогда только он будет обладать таким взором, чтобы увидеть дальнейший путь, по которому ему надо идти. Тогда ему явится истина, что жизнь действительно – зло, которого следует избегать, жизнь – горе; и человек, который захочет избежать зла и горя, должен избежать самой жизни, но не смерти. Смерть этой жизни есть только начало другой, точно так же, как если вы закрываете источник в одном направлении, то он вырвется в другом. Взять чью-нибудь жизни теперь – это значит осудить себя на долгую и более несчастную жизнь потом. Конец несчастья лежит в великом покое. Человек должен отделить себя от этого мира, который есть печаль. Ненавидя борьбу и состязание, он научится любить покой и так подчинить свою душу, чтобы мир показался ему таким беспоконным, каким он и есть на самом деле. И тогда, когда его сердце будет устремлено к великому покою, душа его придет к своей цели. Утомленная землю, она придет в небеса, где уже нет больше бурь, где нет больше борь-

бы, где царствует неизменный покой. И это не смерть, а великий покой.

*Всегда чистая, как стекло про-
зрачная,
Скользит между бессмертными
жизнь.
Луна изменяется, поколения про-
ходят,
Их небесная жизнь течет беско-
нечно,
Без перемены среди разрушения
и упадка мира.*

Это – нирвана, та цель, к которой мы все должны стремиться, единственный конец всем мирским тревогам. Каждый человек должен себе представить это. Каждый человек, разумеется, сделает это в свое время, и все придут на небо, Конечно, это простая вера, единственная известная в мире вера, которая свободна от таинственности и догматов, от церемоний и священнодействий; и чтобы узнать, как прекрасна эта вера, нам стоит только взглянуть на ее последователей и убедиться в этом (...)

Монашество

Пусть жизнь его будет исполнена любви, поступки его приветными, тогда в полноте своей радости он получит конец печали.

Даммапада

В течение своей жизни, той долгой жизни, которая осталась у него после того, как он нашел свет, Годاما Будда собрал вокруг себя много учеников. Они пришли к нему, чтобы узнать из уст его о той истине, которую он нашел, и оставались около него для того, чтобы провести ее в жизнь и достигнуть великого мира.

Время от времени бывали случаи, когда учитель излагал наставления и правила, предназначенные помочь ученикам его на правильном пути. Таким образом, около него образовалось братство из тех людей, кто стремился очистить свои души и вести чистый образ жизни. Это братство продолжается до сих пор, и вы можете это видеть в современном монашестве, ибо лишь монахи

представляют из себя только братство людей, которые пытаются жить, как жил их великий учитель: очищать свои души от жизненной пыли и идти путем, по которому можно достичь освобождения от страстей. Только это, и ничто более, есть монашество. У них нет совершенно представления о священстве в том смысле, в каком мы это понимаем. Мы понимаем под священником того, кто получил от кого-то другого власть и кто является, таким образом, представителем на земле Бога. По нашему представлению священниками являются те, кто послан другими, имевшими на это полномочие от Бога. Мы думаем, что они могут разрешать грехи, что они могут принимать в свою веру, что они могут отвергнуть от нее, что им дана власть увещевать, что они могут отправить быстрее душу к Богу, что они могут осудить душу в ад. Одним словом, по нашим представлениям, священник – это тот, кто одарен известною властью и святостью.

У буддистов же не так. У них ничего подобного не может быть. По их представлениям, Бог находится настолько вне нашего духовно-

го зрения, что не мог передать своей власти никому. Он проявляет свое влияние по вечным и неизменным законам. Воля его проявляется неизменными следствиями. Ничего нет таинственного в его законах, что требовало бы толкования их его представителями: нет церемоний, какие были бы необходимы, для того чтобы принять его веру. Буддизм — свободная религия. Ни у кого нет ключей для спасения человека кроме самого человека. Буддизм никогда не думал о том, чтобы кто-нибудь мог спасти или осудить себя кроме самого человека. Таким образом, буддийский монах настолько же далек от наших представлений, как для них далек наш священник. Ничто не может быть более чуждым для буддизма, чем какое-нибудь притязание на власть, на силу свыше, на святость, приобретенную чем-нибудь кроме искренних усилий самой человеческой души.

Эти монахи, которые так обыкновенны по всей Бирме, монастыри которых находятся около каждой деревни, которых можно встретить на каждой улице рано утром выпрашивающими себе хлеб, которые воспитывают

всю молодежь в стране, — все это исключительно люди, стремящиеся к доброму.

Для нас представляется очень трудным понять это, так как ум наш склонен работать в другом направлении. Для нас представляется невозможной религия без священства, а там она именно такова.

Представляется поразительным явлением, как это братство существовало все эти века, как оно постоянно пользовалось уважением и удивлением народа, как оно всегда держало в руках своих воспитание детей и никогда не соблазнилось претензией на что-либо большее. Подумайте только о том искушении, которое всегда было у него: искушение вмешаться в правительственные дела было велико, искушение облечь себя священнической властью было гораздо больше, и однако же этим искушениям оно всегда противостояло. Это братство монахов и теперь такое же, как оно было двадцать три столетия тому назад, ибо это общество людей, ищущих правды...

Я не могу их назвать отшельниками, потому что они всегда живут обществами, около

деревень, и не запираются, не исключают себя от общения с другими людьми. Я не могу, как я сказал, назвать их и священниками: они ни в коем случае не являются служителями церкви. Если назвать их нищими, так это только наполовину разъясняет дело. И потому я употребляю слово «монах», как ближе всего подходящее к тому, что я желаю сказать.

Итак, монахи – это те, кто старается следовать учению Годамы Будды и удалить себя от мира, – «те, кто обратил свой взор к небесам, где всякие страсти смываются». Это члены великой общины, управляемые строгими правилами, изложенными в Вини для соблюдения всеми монахами.

Когда человек вступает в монашество, он дает четыре обета: что он будет чист от похоти, от желания собственности, от того, чтобы отнять чью-нибудь жизнь, и от того, чтобы пользоваться какими-нибудь сверхъестественными силами. Подумайте об этом последнем, потому что это раз навсегда отделяет монаха от всего мистического, ибо вот как излагается этот обет:

«Никакой член нашей общины не может осмелиться заявить, что пользуется какими-нибудь необычайными дарами, или сверхъестественным совершенством, или из тщеславия назвать себя святым человеком. Не может он, например, удалиться в уединенное место под предлогом привести себя в исступление, как арии, и потому учит других каким-нибудь необычным путем совершенства. Скорее, может нежное пальмовое дерево, которое срежут, сделаться снова зеленым, чем человек, избличенный в такой гордости, получит истинную святость. Заботьтесь о себе, чтобы не дать возможности впасть в такое состояние».

Разве это учение не стоит вразрез с учениями других народов и религий? Можете ли вы представить себе религиозных учителей каких-либо других религий, которые предупреждали бы, чтобы ученики их в особенности боялись и свободно относились бы к своим видениям? Разве для них видения и транссы, сны и воображения не являлись доказательствами святости? А здесь совсем не так. Все это ничто, все это одно воображение.

И тот, кто захочет вести чистую жизнь, должен быть выше этого и должен все это отбросить, как опьяняющий душу напиток.

Очень удивительна эта религия, осуждающая всякий мистицизм. Она, должно быть, одиноко стоит между всеми религиями, чистая от мишуры чудес прошлых, настоящих и будущих. И все-таки у этого народа, как и у всех молодых народов, существуют предрассудки. Существуют гадатели и отгадчики снов, всевозможные знахари, люди, у которых вы можете достать талисманы, которые могут предсказать вам будущее. Одним словом, все так же, как и у нас было не так давно. Как нас интриговала таинственность, так точно она влечет их к себе до сих пор. Я уже рассказывал об этом в главных чертах, но опять должен повторить, что религия их совершенно чиста от этого. Никаких истерических видений, никаких безумных снов — ничего подобного вы не можете встретить у буддийских монахов. Среди всех окружающих их предрассудков они остаются чисты, так же они чисты от страстей и желаний. И на этом далеком Востоке, в этом распадни-

ке, как мы думаем, всего сверхъестественного, в этой колыбели мистического и чудесного существует религия, которая осуждает все это, и монашество, которое следует своей религии. Неужели это не чудо из чудес?

У большинства других вер совершенно иначе. Другие религии утверждают, что те, кто попадает в их сеть и подчиняется их руководителям в обмен на все мирское, от которого последователи религии откажутся, они получают другие дары – небесные, что они будут одарены сверхъестественными силами, что они будут пользоваться властью свыше, что они сделаются избранными посланниками Бога, что во время экстаза они могут войти даже на небеса и увидеть Его лицом к лицу.

В буддизме нет ничего подобного. Человек должен отказаться от всего земного и ничего за это не приобрести. Он получит только одно: если будет все время идти по пути праведности, то, наконец, он достигнет великого покоя.

Монах, которому бы начали сниться сны, который сказал бы, что Будда явился к нему

в видении и возвестил ему, что он стал способен пророчествовать, стал бы в их глазах безумным, и его тотчас бы исключили. Подумайте только, его назвали бы безумным за то, что он видел такие видения, а вовсе не святым человеком! Мальчишки над ним смеялись бы, и он был бы выпровожден из монастыря. Монах – это тот, кто соблюдает чистоту и здоровье в жизни, а истерические сны, ребяческий мистицизм, все эти нездоровые видения – во всем этом он не должен участвовать. Таким образом, монах должен оставить позади себя все то, что у нас называется хорошим в этой жизни, и управлять своим телом и душой в смысле строгого воздержания. Он должен носить только желтые одежды, просторные и приличные, но отнюдь не красивые; он должен брить свою голову; он должен иметь разговор с женщинами только на далеком расстоянии; он должен ежедневно выпрашивать свою пищу на улицах; он должен есть только дважды и только известное количество и никогда после полудня; он не должен интересоваться мирскими делами; он не должен иметь никакой собственно-

сти, не должен участвовать ни в каких играх и представлениях. «Он должен есть не для того, чтобы удовлетворять весь свой аппетит, а для того только, чтобы поддержать свое тело: он должен носить платье не из тщеславия, а только ради приличия; он должен жить под крышей не из тщеславия опять, а только потому, что погода делает это необходимым». Вся жизнь его ограничена строжайшей бедностью и чистотой.

Вы видите, что здесь нет аскетизма: монах может не переедать, но он должен достаточно есть; он не должен носить прекрасных платьев, но он должен быть прилично и удобно одет; он не должен жить в прекрасных зданиях, но он должен укрываться под крышей от непогоды.

В буддизме нет самоистязания. Разве не доказал бесплодность этого давным-давно Будда? Тело нужно держать в здоровьи, чтобы не делать затруднения душе нашей. И поэтому монахи живут очень здоровой, очень умеренной жизнью, потребляя еды и питья ровно столько, чтобы держать в здоровьи свое тело. Это самое главное, это начало для них

чистой жизни.

И точно так же, как монах содержит тщательное свое тело, он, относится и к своей душе. Он должен читать священные книги, он должен размышлять о поучениях великого учителя, он должен пытаться всякими средствами, лежащими в его власти, сделать сродной себе эту истину, не как пустые слова, а как веру, составляющую часть жизни, суть всяческой правды. Он вовсе не отрезан от общества: около него есть другие монахи, бывают посетители, мужчины и женщины. Он может говорить с ними, он вовсе не отшельник, но он не должен говорить слишком много исключительно о мирских делах. Он должен заботливо относиться к своим мыслям, чтобы они не вели его к ложным путям. Жизнь его — жизнь самообразования.

Не будучи священником, он имеет мало обязанностей, которые он должен исполнять по отношению к другим. Он не призван вмешиваться в дела других: он не посещает больных, он ничем не связан с рожденьями, свадьбами, смертью. По воскресеньям и в других подходящих случаях он может читать народу

законы, но это и все. (...)

Однако и у них есть известные обязанности. Каждое утро, как только первые солнечные лучи заблестят на монастырских шпицах, как только птицы запоют о наступлении дня и холодная свежесть утра остается еще в горах, а вы можете видеть, как из каждого монастыря выступает маленькая процессия. Первыми идут два школьника с гонгами, привешенными на бамбуковой палке между ними, по которым они ударяют время от времени, а позади их в желтых одеждах, с лицами, опущенными долу, и с чашами в руках следуют монахи. Медленно проходят они по улицам среди девушек, спешащих на базар с корзинами плодов на голове, хозяек, идущих закупить себе провизию, рабочих, идущих на свою работу, детей, бегущих и смеющихся и купающихся в пыли. Каждый дает им дорогу, когда они медленно и торжественно следуют, и из каждого дома выходят женщины и дети с горстью риса, с горстью сушеного винограда, плодами и все это кладут в чаши монахов. Денег не дают никогда. Монах и не дотронется до денег. И потом его нужды так

невелики. Иногда дарят им книги, но по утрам дают только пищу.

За эти дары никогда не благодарят. Открывается крышка чаши и, когда подношения туда положены, снова закрывается, и монах двигается дальше. Когда они совершили свой привычный обход, они возвращаются так же, как и пришли, медленно в монастырь с чашами, полными пищи. Я не знаю, бывает ли так, чтобы пища эта всегда съедалась монахами. Часто в больших городах их кормят богатые люди, которые ежедневно посылают им горячую, свежеизготовленную пищу, а собираемая милостыня раздается или бедным, или школьникам, или животным. Но выпрашиванием милостыни никогда не пренебрегают. Это одна из формальностей у монахов... Это самая существенная вещь, и об этом знает всякий, кто только видел их ходящими за выпрашиванием милостыни. Они должны выпрашивать себе пищу, и они так и делают. Это составляет часть их устава, ибо закон говорит, что унижение помогает душе. А народ дает потому, что это считается хорошим. Даже если они знают, что монахов кормит кто-

нибудь другой, они будут наполнять чаши, когда проходят монахи.

И если подаяние не нужно самим монахам, то существуют бедные, существуют школьники, сыновья бедняков, которые, может быть, часто нуждаются в пище: а если таких нет, то есть птицы, звери. А главное, хорошо для самих себя давать милостыню – так думают бирманцы. (...)

Если вы, идучи по дороге, увидите высокие манговые и тамариндовые деревья и тростниковые плантации, то можете быть уверены, что тут монастырь, ибо одна из заповедей Будды монахам – жить в тени высоких деревьев, и заповедь эту они всегда исполняют.

Большинство монастырей прекрасны. Это большие здания из темного тикового дерева с двумя или тремя крышами, возвышающимися одна над другою, завершает же их шпиг, возносящийся кверху и кончающийся золотым острием. Многие монастыри покрыты резьбой по фасаду и около шпигов, свитками, картинами с грациозными фигурами и с воротами, на которых помещены драко-

НЫ.

Картины передают о каких-нибудь историях, почерпнутых из сокровищницы детства народа: передают грациозные рассказы о колдунах, нимфах и удивительных приключениях. Но никогда, мне кажется, не рисуются на стенах сцены из священной жизни или же из поучений. Бирманцы не любят, как мы, иллюстрировать священные книги. Быть может, они считают предмет этот слишком священным для того, чтобы изображать его рукою ремесленников. Вы напрасно стали бы искать, насколько я знаю, во всей Бирме в пагодах, построенных индусскими архитекторами много лет назад, иллюстрации к учению Будды. Но те картины, которые там есть, прекрасны, и краски их великолепны. Все хорошо в них: и темный тик, и светлые листья зеленого тамаринда, и большие листья платана.

Но внутри здания все голо. Как ни прекрасны здания извне, никакого развлечения для глаз не найдете вы внутри их. Все там голо, только несколько матов там и здесь на простом полу, жесткая деревянная кровать

и ящик или два с книгами. В одном углу можно встретить изображение учителя, вылепленное из алебаstra. Изображение это вовсе не произведение искусства. Богатство воображения и вкуса, которые можно заметить в вырезанных на фасаде рассказах, здесь не имеет места. Всякая попытка изменить форму этих фигур считалась бы святотатственной.

Над головой изображения находится белый зонтик. Вероятно, мы из этого почерпнули наши круги с сиянием... Где-нибудь с восточной стороны находится цветок лотоса, – вот и все. При этом всегда является замечательным тот факт, что не встречается изображения никого из великих людей, имена которых вы часто слышите вместе с именем Будды. Будда стоит один. Нет ничего изображающего его жену Ягодайю, его сына Рагулу, его великого ученика Тарикуту, его любимейшего ученика и брата Ананду.

В буддизме совсем нет святых: там есть только один великий учитель, который познал свет. Разумеется, очень странно, что у буддистов со времени Будды по насто-

ящее время, за две тысячи четыреста лет, не явилось никого достойного упоминания, кроме самого Будды. Только один человек является священным для буддизма – это Годاما Будда.

В стороне от монастыря обыкновенно находится много пагод – могил Будды. Они представляют из себя обыкновенные конусы, оканчивающиеся наверху золотым острием, и их обыкновенно бывает очень много. Каждый человек за свою жизнь построит по крайней мере одну, и всегда они белые.

Так что около монастыря всегда много красок: темное дерево, белые пагоды, нежная зелень деревьев... Землю всегда держат чисто выметенной и утрамбованной. Кругом много звуков: чудесная музыка колокольчиков на вершине пагод, когда подует ветер, воркованье голубков в лесу, голоса школьников. Монастырская земля священна. Ничья жизнь не может быть там отнята: не допускается громких звуков, раздражительного шума, никаких нарушений тишины и спокойствия, ибо монастырь – место размышления и мира.

Разумеется, не все монастырские здания

прекрасны и велики: многие из них представляют только бамбуковые или соломенные крыши и выглядят немногим лучше, чем обыкновенная крестьянская изба. Некоторые деревни так бедны, что могут отделать для монахов слишком мало. Но всегда насажены там деревья, всегда выметена земля, всегда место это чтится одинаковым образом. И как только хорошая жатва доставит деревне некоторое облегчение и деньги, сейчас же, можно быть уверенным, будет построен монастырь из тикового дерева.

Монастыри доступны для всех. Всякий странник может прийти в монастырь и найти там приют. Монахи всегда гостеприимны. Быть может, четверть своей жизни в Бирме я провел в их монастырях или в домах отдохновения. Мы нарушаем все их законы: мы ездим верхом, носим сапоги на священной почве; наши слуги убивают кур для обеда в тех местах, где всякая жизнь пользуется защитой; мы обходимся с монахами, которых так почитает народ, так же бесцеремонно, как со всеми восточными народами; мы часто смеемся над их религией – и все-таки они

принимают нас, все-таки они рады повидать нас и поговорить с нами.

Неужели можно найти какой-нибудь народ в мире, преданный так своей религии и терпевший бы все это хоть на один момент? Если бы вы вошли в магометанскую мечеть в Дели в сапогах, вас, вероятно, убили бы; а мы толпились вокруг пагоды в Шведагоне, и никто нам не мешал. И не думайте, что происходило это потому, что бирманцы менее верующие, чем индусы или магометане. Нет, это потому, что они больше верят, потому что они научены, что покорность и терпение наиболее сильные буддийские добродетели и что жизнь человеческая является делом души каждого. Они охотно верят, что нарушение англичанами их закона происходит исключительно только от иностранных привычек, от нашего невежества и вообще от склада нашей жизни.

...Уважение, с которым народ относится к монаху – к монаху, который вчера был таким же человеком, как и все, – очень велико. Все, кто обращается к нему, преклоняют колена. Даже сам король ниже монаха, и если

у него во дворце бывает монах, то король садится ниже него. К монаху обращаются как к господину, и те, кто обращаются к нему, считаются его учениками.

Как ни беден монах, хотя он и живет дневным подаянием, хотя нет у него власти и силы, самый великий человек в его земле сойдет с коня и уступит ему дорогу, когда он проходит.

Таково почтение народа к праведной жизни. Никогда ни к кому не проявлялось такое добровольное почтение, как к этим людям. По отношению к ним существует даже особый язык, – обычный жизненный язык слишком низок для того, чтобы пользоваться им при общении с монахами.

Нам кажется странным, когда мы приходим из нашей страны, где бедность является оскорблением, где принять милостыню является унижением, где идеалом представляется сила, – для нас кажется странным видеть, что здесь все это наоборот.

Монахи самые бедные из бедных.

Они зависят от народа в своем дневном пропитании, и хотя можно жертвовать мо-

настырям огромные деньги, на самом деле очень немногие из них имеют только маленький кусочек земли, в большинстве же случаев только несколько пальмовых деревьев. Что же касается силы, то они не пользуются никакой, ни временной – земной, ни вечной – небесной. Они не очень учены, и, однако, они самые почитаемые люди. Без всех тех атрибутов, при которых, по нашему мнению, можно было бы снискать любовь и почтение человечества, они почитаются там выше всего. (...)

Чем больше вы изучаете монашество, тем больше вы видите, что эта община естественно вытекает из самого сердца народа. Это часть народа, и не отрезанная от него, а созданная им самим. Обитатели монастырей набираются из всех положений, из всякого рода людей: в каждой деревне, в каждом городе почти всякий был монахом в то или другое время и был чтим одинаковым образом всеми.

Монашество это основано на свободе. Существует оно не вследствие сильной организации, а вследствие общего согласия. Нет ни-

каких таинственностей относительно монашества: нет никаких темных мест, куда не мог бы заглянуть свет исследования. Все дело так просто, что даже дети могут понять и понимают его.

Не могу не закончить эту главу о буддийских монахах ссылкой на епископа Бигандета, который говорит о том же самом и который является не только не благосклонным судьей буддизма, но наоборот. Епископ Бигандет не только вовсе не симпатизировал буддизму, но был его открытый враг, желавший унижить или совсем разрушить его влияние на умы людей, и, однако, вот как он кончает одну из своих глав: «В этом религиозном теле есть одно, что поддерживает жизненность этой религии и сообщает ей ту необычайную силу и энергию, какая поддерживалась в высочайшей степени при всех обстоятельствах: это – монашество. Поддерживается это монашество или нет правящей силой, оно всегда остается неизменным и твердым. Невозможно достаточно удивляться этому явлению, если мы не найдем очевидной и ясной причины такой необычайной жизненности, причи-

ны не зависящей ни от времени, ни от обстоятельств, причины, глубоко коренящейся в самой душе населения, которая проявляет перед наблюдателем эти поразительные и великие религиозные черты. Этой причиной является сильное религиозное чувство, твердая вера, которая преобладает в массе буддистов. (...) Миряне восхищаются и уважают монахов, и добровольно и с радостью поддерживают их существование и благосостояние. Это религиозное тело постоянно возобновляется из рядов народа. Едва ли можно найти одного человека, который не был бы членом этого братства в известный период времени. Разумеется, такой общий и продолжительный импульс не мог бы продолжаться долго, если бы он не поддерживался сильной религиозной связью.

Члены этого ордена сохраняют, по крайней мере внешне, весь декорум своей профессии. Правила и наставления, безусловно, выполняются. Жизнь их монахов – это жизнь постоянного воздержания и под постоянным контролем. Живущий такой жизнью отказывается от всех удовольствий и развлечений.

Как могла бы существовать такая система самоотречения, если бы не было веры, что, следуя такой жизни, они получают огромную награду, несмотря на то, что жизнь эта противна природе. Нельзя отрицать того, что человеческие мотивы часто влияют на монахов и мирян, но если бы их лишить этой веры и чувств, которые она вдохновляет, то нет сомнения, что от буддизма не осталось бы ничего».

Монашество – это одно из проявлений того, как верит народ. Наблюдалось ли в какой-нибудь религии, в мире такое явление в течение двадцати четырех столетий?

Праздники

Буддийский пост продолжается в течение трех дождливых месяцев; от полнолуния в июле до полнолуния в октябре. Это те самые месяцы, в течение которых Будда удалялся в какой-нибудь монастырь и на некоторое время переставал путешествовать и учить. Обычай поста, пожалуй, даже старше, чем это предание: обычай этот так стар, что мы даже не знаем, когда он возник. Возникновение это потеряно в тумане седой древности. Но каково бы ни было начало его, он очень подходит и соответствует привычкам народа. (...)

При октябрьском полнолунии бывают большие праздники. Бывают и другие праздники: на новый год, в марте, затем церковные праздники. Но из всех этих праздников самый большой – это при окончании поста.

Где бы ни находились большие пагоды, народ стекается туда издалека на праздник. В Бирме много больших пагод. В Мандолее есть Араканская пагода. Была там также пагода Несравненная, которая сгорела. Есть также большие пагоды в Пегу, в Проме и во многих

других местах. Но, кажется, величайшая из них это пагода Шведагона в Рангуне. Ее можно видеть очень издалека. Когда вы поднимаетесь по реке из открытого моря, то еще издалека вы видите перед собою большой огненный язык. Пагода стоит на небольшой конической горе, позади города Рангуна, около двух миль от верфей и пристаней оживленной реки. Гору наверху сровняли и сделали широкую площадку, на которую поднимаются по огромной лестнице, замыкающейся внизу воротами, украшенными драконами. Весь путь по лестнице покрыт крышей. И колонны и крыша разрисованы и раскрашены красной краскою. (...)

На вершине этой горы находится пагода – огромный массивный заостренный конус больше трехсот футов в высоту, кончающийся железным резным шпиком, который сверкает золотом и драгоценными камнями: вся пагода покрыта листьями чистого золота. Листья эти постоянно возобновляются благочестивыми жертвователями, которые приходят сюда молиться и приносят эти листики. И постоянно пагода возобновляется сверху

до самого низу, где стерегут ее золотые драконы. Она представляет из себя самое удивительное зрелище: огромный золотой конус, как бы купающийся в золотом море – в чудесном солнечном свете. Он постоянно как будто бы дрожит и волнуется, как огонь, и все около этой площадки, граничащей ее со всех сторон, покрыто маленькими алтарями, представляющими из себя чудеса резной работы. Эти алтари имеют над собой конические крыши, возвышающиеся одна над другою, пока они не кончатся золотым шпиком, на котором повешены маленькие колокольчики. При дуновении ветра язычки колокольчиков шевелятся, и воздух наполняется музыкой, тихой и ясной, как серебристый звук струн арфы. (...)

Около площадки, на которой расположена пагода, находится много деревьев: их так много, что, когда вы смотрите издали, вы видите только деревья и пагоду, возвышающуюся над ними.

С площадки, на которой расположена пагода, вы можете обозревать всю страну, город и реку, и прямые улицы, а на противополож-

ной стороне вы увидите продолговатые светлые озера и горы, покрытые деревьями. И это чудное место, пагода, окружающие ее горы и леса – все это пропитано духом святости, ароматами тысячи тысяч молитв, которые возносились здесь, тысячи тысяч святых мыслей, которые были продуманы тут.

Площадка пагоды всегда полна коленопреклоненного народа, произносящего высокие заветы их веры, старающегося внести в сердце свое смысл учения того, могилу которого представляет из себя эта чудесная пагода. Тут всегда находятся монахи, ходящие взад и вперед или стоящие, облокотясь на колонны алтарей. Постоянно здесь толпа народа, поднимающаяся и опускающаяся по длинным ступеням, ведущим снизу. Когда я был в Рангуне, то всегда посещал это место, так как, кроме его красоты, тут всегда так много людей. (...)

Но в праздничные дни в конце поста бывает еще более удивительно. Тогда вместо единиц бывают десятки, вместо десятков стекаются сотнями – все приходят почтить своего великого учителя в его священном месте.

Нет никаких специальных церемоний, не происходит никаких служб, как мы привыкли к этому на наших праздниках. Только приносят много подарков. Случаются также в пагоде и процессии с подарками монахам. В это время кладут по сторонам пагоды много золотых листьев: бывает масса коленопреклоненного народа – вот и все. Это потому, что буддизм представляет из себя не религию общества, а религию сердца каждого человека.

Великолепная пагода в праздничные дни – одно из самых занимательных зрелищ в мире. Сюда притекают огромные толпы народа, поднимающиеся и спускающиеся по лестнице. Здесь вы увидите и богатых, и бедных, и стариков, и молодых. С трудом поднимаются по ступеням, ведущим к великому покою, дряхлые старики; много тут и старух, плетущихся наверх.

Разумеется, много и молодежи, легко вбегающей по лестнице, смеющейся, болтающей друг с другом, очень счастливой, довольной повидаться друг с другом и увидеть так много народа, выкрикивающей разные приветствия

своим друзьям, когда они проходят мимо них. Они так нарядно одеты: в прекрасных шелковых одеждах и белых накидках, с головными уборами из сатина, завязанного изящным узлом, в середине которого воткнуто перо. (...)

Все проходящие сюда нарядно разодеты: в праздник даже самые бедные одеваются хорошо. Розовый и красный – преобладающие цвета – и в румянце лица и в платье. Цвет этот лучше всего идет темной коже, и народ больше всего его любит. Но встречаются и другие цвета: серебристые и зеленые кружева, пурпурные и оранжевые, шелковые накидки и темно-голубые платья. Все кофточки, или почти все, белые с широкими рукавами, открывающими руку до локтя. У каждого мужчины тюрбан из материи ярких цветов, а у девушек светлые яркие платки, которые они накидывают на свои плечи или несут в руке. Нас не прельщает сочетание ярких цветов, при нашем мрачном небе, при нашем скромном свете это было бы слишком ярко, а там это не так. Все умеряется солнцем. Солнце там так ярко, такие золотые потоки оно изливает на мир, что все цвета тонут в них.

И что значат эти цвета перед золотой пагодой, перед чудной резьбой и украшениями ее алтарей!

Вы слышите голоса, звучащие, точно ропот летнего моря, то громче, то тише: все полно низкого, тихого, приятного смеха, а над всем этим чудная музыка колокольчиков.

И все соответствует одно другому: и сверкающая пагода, и нарядно одетый народ, и голоса народа, и звуки колокольчиков, и даже этот огромный колокол, который все покрывает. Все дышит счастьем.

Праздник продолжается семь дней, но три дня более важны, а самый важный – один день полнолуния. В этот день приношения наиболее многочисленны, толпа бывает самая многочисленная. Внизу пагоды ставится много временных столов, где вы можете купить всякого сорта подарки, от куклы для ребят до нового шелкового платья. Здесь же есть и рестораны, где вы можете закусить, так как пагода стоит далеко от городских улиц, а в праздничные дни всякому хочется освежиться.

За столами всегда толпится масса народа, покупающего или продающего или жадно глядящего на многое, чего они, быть может, не могут купить. Закуски обыкновенно очень просты: рис и виноград на ужин, сахарное печенье и вермишель и какие-нибудь пирожные.

Толпа, поднимающаяся и спускающаяся по ступеням, подобна чудовищному и яркому потоку, протекающему между драконами в воротах; а на площадке толпа плотнее, чем где бы то ни было. Весь день идет праздник – молитва, приношение подарков, сжигание маленьких свечек перед алтарями, пока солнце не сядет далеко за горами и не погаснет его последний золотой луч. Но даже и тогда нет перерыва, и тогда нет темноты, ибо едва погаснет и перестанет освещать шпиг пагоды последний луч солнца, как на востоке показывается новый свет, столь мягкий, столь удивительный, что он кажется все более прекрасным, чем умирающий день. Сквозь туман, лежащий на полях, поднимается луна. Сначала она распространяет нежно-розовый свет, но, быстро подни-

маясь выше, этот свет становится белее. Поток света, чистого, серебристого света устремляются на землю, образуя черные причудливые тени. Внизу разливается дыхание ночи, нежное и мягкое, и деревья распространяют свой ночной аромат, который ласкает вас нежнее, чем днем, и воздух становится пресыщенным и тяжелым.

Вокруг пагоды развешивают маленькие лампочки, мириады маленьких плашек, и фасады алтарей также иллюминируются. Лампочки ставятся или в длинные ряды или по кругам, соответственно тому месту, которое они украшают. Они наполняются кокосовым маслом, куда погружается фитилек. Горят они красным светом и, прорезывая тени, которые образует луна, освещают площадку.

На улицах также зажигают лампочки: все дома иллюминированы ими: все маленькие пагоды, корабли и лодки на реке как бы горят.

Весь народ стекается смотреть на иллюминацию, точно также, как это бывает у нас на Рождество, когда мы идем поглазеть на вы-

ставку в магазинах и когда у нас улицы залиты народом, снующим взад и вперед, смеющимся и болтающим. Там дают драматические представления, происходят танцы, театры марионеток, и все это на открытом воздухе. Весь народ так счастлив: он полной чашей пьет свое удовольствие. (...)

Праздник продолжается очень долго. Луна так ярка, что вы забываете, что уже поздно, и только помните, как чудно прекрасно вокруг вас. Вы не хотите покидать это место до тех пор, пока луна не зайдет туда же, куда зашло перед нею солнце, пока не потухнут одна за другою лампы и не начнут зевать дети, и толпа мало-помалу разойдется и пагода предастся покою.

Таков великий праздник в великой пагоде.

Сноски

1

Достигший своей цели.

[^^^]

2

В настоящей работе использованы следующие буддийские писания: Чария-питака, Махапариниббана, Саньюттака-никая, Саманнапхала сутта, Дхаммапада, Бодхичарьяватара, Дигха-никая, Сутта-нипата, Поттхапада-сутта, Чуллаватта-сутта и др.

[^^^]

Достигший истины. – Ред.

[^^^]

Сиддхартха. – Ред.

[^^^]

Шуддходана. – Ред.

[^^^]

Яшодхара. – Ред.

[^^^]